

Александр и Олеся Кущак

ГУСЬ

роман-антиутопия

Александр Владимирович Кушак

Олеся Валерьевна Кушак

Гусь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24719705

Аннотация

В Аскерии – обществе тотального потребления, где человек находится в рабстве у товаров и услуг и непрекращающейся гонки достижений, – проводится научный эксперимент. Стремление людей думать заменяется потребительским инстинктом. Введение подопытному гусю человеческого гена неожиданно приводит к тому, что он начинает мыслить и превращается в человека. Почему Гусь оказывается более человеческим, чем люди? Кто виноват в том, что многие нравственные каноны погребены под мишурой потребления? События романа, разворачивающиеся вокруг поиска ответов на эти вопросы, унесут читателя далеко за пределы обыденности. Таинственный Мистер Гавер, летающие по небу клаеры, жуткий горбун, пожар и погони заставят переживать, смеяться, бояться и радоваться за героев романа.

Содержание

1	4
2	11
3	16
4	22
5	27
6	31
7	35
8	41
9	43
10	46
11	53
12	58
13	64
14	68
15	78
16	80
17	91
18	99
Конец ознакомительного фрагмента.	104

1

Вечерний сумрак постепенно охватывал Аскерию. Дневной свет медленно уступал место ярким вспышкам электрических таблоидов, свету прожекторов, направленных на рекламные баннеры. Со всех сторон мигали, высвечивались, кричали призывы «Достигай!», «Контролируй баланс!», «Подними рейтинг!», «Займи своё место в Золотом районе!». В этот момент Аскерия напоминала большой праздничный торт, на котором выборочно, всё больше сгущаясь к центру, горели яркие свечи. Окраины продолжали находиться во власти темноты, изредка мигали огни летящих клаеров и ползущих по земле санеров. Воздушный и наземный транспорт перемещался, выстраивался в единый поток по направлению к центру Аскерии, в Золотой район, где проходил ежегодный праздник – День Достижений.

Воздушные пробки всегда напрягали Рэйфа. Как глава Службы Защиты Аскерии, он мог использовать специальный сигнал для беспрепятственного полета клаера. Иногда ему нравилось, неожиданно подав звуковое предупреждение, вырваться вперед, оставляя позади аскерийцев, ещё минуту назад двигавшихся рядом с ним. Присутствие Рэйфа на Дне Достижений в этом году носило особый характер. Такого странного поручения ранее ему выполнять не приходилось.

Учёные всегда напрягали главу Службы Защиты Аскерии, но в этот раз их поведение явно начало создавать проблемы для спокойного и размеренного графика работы его ведомства.

Парковки возле центральной площади Золотого района заполнялись спускающимися с воздуха клаерами. Аскерийцы занимали свои места в соответствии с уровнями их Достижений. Справа и слева от клаерных парковок теснились санеры, беспорядочно оставленные жителями Земляного и Песочного районов.

Толпа аскерийцев гудела, роилась, создавая группы людей, активно обсуждавших друг с другом свои Достижения за прошедший год.

– О, привет, Хелли! – громко воскликнула полная женщина, пробираясь к своей знакомой, нервно теребившей сумочку.

– Кэйт, неужели это ты? – удивилась Хелли. – Тебя и не узнать.

– Конечно, за год столько поменялось, – ответила толстушка. – Мы теперь живем в Серебряном районе. Взяли еще один бредит, купили большой дом с садом.

– Дом с садом? – поднимая брови, уточнила Хелли.

– Да! Ты не представляешь! Это совсем другая жизнь. Хотя, Бин теперь еще реже появляется дома, ему приходится много работать, чтобы гасить новые бредиты, – вздохнула Кэйт. – А у тебя как дела?

– Я все также работаю помощником младшего специали-

ста на метеостанции, – опуская взгляд, проговорила Хелли.

Мимо них проходили двое бурно обсуждавших свои дела собеседников.

– Хочу сегодня взять дешёвый бредит, – сказал высокий рыжий мужчина с тараканьими усами.

– А что сегодня опять будут давать, как в прошлом году? – уточнил низенький аскериец, вытирая платком взмокший лоб.

– Да! Говорят, у тех, кто имеет определенный уровень Достижений за год, будет большая скидка по процентам. А у меня, смотри, какой рейтинг получился! – тыча грязным пальцем в гаверофон, воскликнул рыжий.

– И это ты всё на своих свиньях заработал? – удивился низенький.

– На свиньях, на свиньях! В этом году у меня их шестнадцать уже! – показывая фотографии в гаверофоне, хвалился рыжий. А что у тебя с твоей газетой?

– Тираж продолжает падать, все сидят в гаверофонах, – кисло скривив губы, ответил низенький. – Хотя мои статьи про положительное влияние аскерийского климата на жизнь горожан добавили мне рейтинга.

Рэйф пробирался сквозь толпу к сцене. Внешне по линии его ведомства ничего не вызывало подозрений. Он чётко знал свою работу, отлично владел ситуацией, понимал, что в Аскерии порядок наведён, прежде всего, в головах людей. Гениальная идея Мистера Гавера о Достижениях уже много

лет, как отточенный механизм, управляла поведением аскерийцев.

Громкий голос ведущего со сцены объявил о начале праздника.

– Уважаемые аскерийцы! День Достижений объявляется открытым! Для зачитывания обращения главного аскерийца Мистера Гавера на сцену приглашается заведующий канцелярией Чертингс.

Горожане, обратившись лицом к сцене, старательно зааплодировали.

Седоватый человек небольшого роста и плотного телосложения подошел к микрофону.

– Аскерийцы! Вы – умны, талантливы, конкурентоспособны! Сегодня, в День Достижений Аскерии, я обращаюсь к вашему сердцам. Знаю, что они рвутся к новым победам, увеличению рейтинга, плюсовому балансу! – Чертингс поднял глаза от послания и перевёл дыхание.

На огромном таблоиде появилось изображение Мистера Гавера с приложенной к сердцу рукой. Толпа замерла, солидарно повторив жест главного аскерийца. Зазвучала музыка. Губы горожан рефлексивно задвигались:

Достигай! Достигай! Достигай! Рейтинг ждёт, ты его обновляй. Раз родился на свет ты в Аскерии, Будут ждать тебя бонусы, премии!

– День Достижений – это день справедливости! Каждый вправе получить то, что он хочет. Сегодня в честь Дня До-

стижений мы исполняем ваши мечты. Только сегодня мы даем вам возможность получить праздничный бредит. Прямо сейчас вы можете активировать его на своем гаверофоне.

Аскерийцы уткнулись в экраны персональных устройств.

– Вам нравится процент по бредиту? – заводя толпу, воскликнул ведущий.

Продолжая двигать пальцем по экранам гаверофонов, не поднимая головы, люди выдохнули: «Да!».

– А теперь, – главное событие праздника, – не унимался ведущий, – награждение лидеров Достижений этого года!

Под аплодисменты и завистливые взгляды горожан на сцену поднялась семья Кинусов. Глава семейства тяжело дышал, жмурился под непривычным светом софитов и пожирающим его взглядом толпы. Рубашка окончательно промокла. Боясь потерять контроль над членами семьи, он положил руки на плечи двух сыновей-близнецов, как две капли воды похожих на него. Высокая и долговязая жена Кинуса переминалась с ноги на ногу и поправляла причёску.

– За прошедший год баланс семьи Кинусов достиг рекордной отметки. В рейтинге Достижений они вышли на первое место и по праву заслужили, – ведущий сделал многозначительную паузу, – новейшую модель семейного клаера!

На миг, оцепенев от неожиданности, Кинусы дружно подняли глаза вверх на спускавшийся с неба золотистый клаер. Толпа взвизгнула, взорвавшись аплодисментами. Растерявшись, Кинусы глупо улыбались. Тем временем клаер спу-

стился на сцену. Взяв себя в руки, жена Кинуса подошла к микрофону.

– Нам не верится, что такое возможно. Было так тяжело, когда наши сыновья родились с двойным отрицательным балансом, пришлось брать двойной бредит, – промокнув глаза платком, начала она. – За восемь лет мы своими Достижениями не только смогли перевести наш отрицательный баланс в положительный, но и стали лидерами Достижений. Мы благодарны Мистеру Гаверу за возможность Достигать, Достигать и еще раз Достигать! Ведь правда? – закончила она, обернувшись к мужу.

Старший Кинус активно закивал головой, нетерпеливо поглядывая на новый клаер.

– Теперь он по праву ваш! Знайте, – обратился ведущий к толпе, – вы тоже можете оказаться на их месте! Главное, не останавливайтесь в Достижениях!

Семья Кинусов заняв свои места в клаере и махая руками толпе взмыла в воздух.

После короткой заминки на сцене, ведущий серьезным голосом сообщил:

– Внимание! Специальное сообщение от главы Службы Защиты Аскерии.

На сцене появился Рэйф. Толпа удивленно замолкла.

– Аскерийцы! Я пришел обратиться к вам с просьбой о помощи. Наша наука, достигшая больших высот, находится на грани великого открытия. Учёные доказали, что птицы

тоже могут Достигать. Но научный эксперимент под угрозой. Вчера ночью из лаборатории исчез гусь, – Рэйф сделал паузу, – говорящий гусь.

Толпа охнула. В воздухе повисло напряжение.

– Да, вы не ослышались! Говорящий гусь – это реальное Достижение нашей науки. Однако эксперимент не закончен. Гуся необходимо найти и вернуть учёным. Кто-то из вас получит небывалое вознаграждение за поимку гуся.

Твердо, чеканя каждую цифру, Рэйф назвал сумму. Удивление от новости о говорящем гусе уступило место ошеломлению от возможности стать этим счастливымчиком и получить столько гаверов.

С чувством выполненного долга Рэйф спустился со сцены. Он хорошо знал аскерийцев и был уверен, что поимка гуся – решённый вопрос.

2

Заведующий кафедрой орнитологии Высшего Аскерийского Климатооста с удовольствием встречал новый день. Маленькие аккуратные глазки на круглом лице Керси оценивающе уставились в зеркало. С этого ритуала начиналось каждое утро учёного в лаборатории.

– Ну что, доктор Керси? – обратился учёный к себе, поправляя белый ворот идеально накрахмаленного лабораторного халата и приглаживая блестящую лысину. – Будем надеяться, что к концу дня вас ждёт великое открытие! – вдохновенно продолжил он, глядя на отражение клеток с гусями в зеркале.

Еще несколько месяцев назад он был бесконечно далек от этого счастливого дня. Удача, как это часто бывает, пришла неожиданно. Телефонный звонок разрезал реальность Керси на две половинки. Нудная и бесперспективная работа осталась в прошлом.

– Доктор Керси? – раздался официальный голос в трубке. – Меня зовут Бэйк, я представляю Корпорацию «Аскертех». У меня к вам срочное дело.

Керси не любил внезапных гостей, даже пугался их. Однако корпорация «Аскертех» вызывала у него уважение по двум причинам: масштаб деятельности и первое место в рей-

тингге крупного бизнеса.

В лабораторию проскользнул худощавый невзрачный мужчина. Керси внимательно оглядел визитёра. Внешность ничем не примечательного человека, ставящего себе задачу не выделяться на общем фоне, тихо выполнять предназначенную ему работу, а затем беззвучно исчезать в неизвестном направлении. Весь облик Бэйка говорил: воспринимайте меня по делу – ничего личного, я и есть моя работа.

– Да, да, проходите, – услужливо засеменил за гостем Керси, предлагая ему присесть.

– Доктор Керси, – бесцветно улыбнувшись, вкрадчиво начал Бэйк, – всем в Аскерии известны ваши Достижения. Не буду скрывать, многие считают вас первым номером в своём деле.

Керси довольно поёжился. Он любил, когда ему говорили правду. Конечно, не все в Аскерии признавали его первенство. Ученый вспомнил спор со своим оппонентом Дайлоном на прошлой научной конференции.

– Перейду к сути моего визита. Скажу сразу, речь идет о деле, которое будет курировать лично Мистер Гавер, – проговорил Бэйк, изучающе посмотрев на Керси.

При упоминании Мистера Гавера эго Керси устроило настоящий «танец тщеславия». Сердце учёного учащенно заколотилось, взгляд невольно упал на часы. Он любил замечать точное время важных минут своей жизни: в 10.03 сам Мистер Гавер обратил на него внимание. Керси представил

продолжение спора с его оппонентом Дайлоном. «А может, спора теперь и не будет?» – пронеслось в мозгу Керси. С этой минуты он работает по заданию Мистера Гавера.

– Вы лучше меня знаете, что птицы гораздо организованнее людей. Ваши мысли о том, что исследуя птиц, мы лучше можем понять поведение людей, показались нам свежими и интересными, – продолжил Бэйк. – При перелётах птицы, выстраиваясь косяком, подражают полёту первого, что делает их передвижение организованным и предсказуемым.

– Да, вы правы! – подтвердил Керси, подхватывая мысль гостя, пускаясь в пространные научные размышления на любимую тему.

– Мы не сомневаемся в вашей компетентности, – прервал его Бэйк, – Не секрет, что существуют люди, которые не хотят Достигать, приобретать рейтинг, то есть, выражаясь языком поведения птиц, лететь организовано в одном направлении.

– Вы хотите укрепить тотальное общество потребления? Примитивная роботизация? – Керси удивленно уставился на Бэйка.

– Не так грубо, но, по сути, об этом. В целом изучение закономерностей потребительского поведения. Достижения, сами знаете, великое дело. Сегодня многие оценивают потенциал управления людьми с помощью теории Достижений Мистера Гавера выше прямого принуждения!

Керси понимающе закивал головой. Решение глобальных

задач явно тешило его самолюбие. «Это будет настоящая бомба для научного сообщества», – подумал Керси. Он ещё докажет всем, что великие открытия могут делать только подлинно талантливые люди вроде Керси.

– Не секрет, что при прямом принуждении требуется большая сила, чтобы удерживать власть немногих над многими, – продолжал Бэйк. – Аппарат принуждения всегда дорог, более того недолговечен. Теория Достижений мягко, красиво, рождает у людей иллюзию выбора. Однако, посмотрите, все совершают стандартные действия: покупают дома, летают на клаерах, хорошо одеваются, отдыхают и вкусно кушают, а самое главное, безвыходно привязаны к гаверофонам как основному источнику информации!

Керси задумался. В словах Бэйка он невольно узнавал и себя. Но роль режиссёра, которую ему предлагали, перекрывала все противоречия.

– Вы слышите меня, Керси! Вы должны исследовать на птицах и отдать нам рецепт лидерства Достижений над людьми. Понимаете, мы хотим не просто управлять, мы хотим понять, как заменить вожака стаи на стимул. Мы хотим создать систему, которая не зависела бы от человека. Полная идиллия: мы им – сладкие сахарные призы в виде комфортного жилья, дорогих клаеров, изобилия колбасы и штанов, а они в ответ – прогнозируемое и направляемое нами поведение. Но необходимо исключить появление ЕГО!

– Кого ЕГО? – уточнил Керси, вдавливаясь в кресло.

– Человека-лидера, который своими идеями может разрушить этот сладкий рай под названием Достижения. Вы должны найти искусственный заменитель лидерства! Стимул – лидер, вот ваша задача.

– Это очень дорогостоящий проект, – сглатывая слюну, выдал из себя Керси.

– Не волнуйтесь, финансирование проекта будет осуществлять наша Корпорация «Аскертех», – успокоил его Бэйк.

Керси посмотрел на часы. 10.03. «Это был знак», – подумал учёный. Прошло несколько суток с того момента, как он ввёл одному из гусей человеческий ген. Учёный внимательно осмотрел все клетки. Он предвкушал длительный эксперимент и не ждал быстрых результатов. Керси наслаждался своей важной миссией, регулярно поступающим финансированием и приближающейся возможностью переиграть Дайлона.

– Что-то вас давно не видно, доктор Керси. Сидите в своей лаборатории, как сыч? – ехидно заметил Дайлон, встретив учёного в Великом Аскерийском Климадосте.

– Работаю над масштабным проектом, – важно сообщил Керси.

В глазах Дайлона проскользнули злоба и зависть. Но в этот раз Керси был спокоен, за ним стоял сам Мистер Гавер.

Довольно потирая руки, учёный налил себе кофе. Опустившись с чашкой в кресло, он мечтательно устремил взгляд в окно.

– Кер-р-р-си, Кер-р-р-си! – раздалось в лаборатории.

Учёный дёрнулся, пролив горячий напиток на белоснежный халат.

– Кер-р-р-си, Кер-р-р-си! – снова повторился звук.

Он испуганно повернул голову в сторону клеток. Глядя прямо на него, ритмично разевая клюв, гусь повторял имя учёного.

– Сработало! – заорал на всю лабораторию Керси. – Ну, давай, скажи ещё что-нибудь! – подбежав к клетке с гусем, он нервно её затряс.

– Ну, давай, скажи ещё что-нибудь! – повторил гусь.

– Конец Дайлону! – визжал Керси.

– Конец Дайлону! – снова повторил гусь.

В этот момент учёный подумал, что любой успех должен иметь свободу. Решительным движением он открыл клетку.

– Иди ко мне, – позвал Керси.

Гусь спокойно смотрел на учёного, не делая никаких движений. Керси захохотал, запрокинув голову назад.

– Я даю тебе свободу! Ты что, не понимаешь? Выходи!

– Свободу? – уточнил гусь.

Керси присел на край кресла. Голова учёного шла кругом. Он впервые видел, чтобы птица разговаривала и думала, выделяя отдельные слова из предложения. Напряжение зашкаливало, и Керси испытал острую необходимость расслабиться. Он решительно подошел к бару, откупорил бутылку и плеснул в бокал коньяка. Выпив залпом, учёный вернулся к клетке.

– Ты знаешь, что такое свобода? Ты, дурень, ты – птица, ты не можешь этого знать! Ты можешь только подчиняться! Выходи, я тебе говорю!

Гусь оставался в клетке, никак не реагируя на призывы Керси. Учёный занервничал. Схватив клетку с гусем, он поднёс ее к окну.

– Смотри, вон там свобода. Лес, небо, озеро.

– Люди, – коротко произнёс гусь.

– Люди? – удивлённо спросил Керси.

Оставив клетку на окне, учёный снова налил себе коньяка. Впервые в жизни он не мог объяснить, что происходит. Его пытливый ум фиксировал нелогичное поведение птицы. Всю жизнь он считал, что свобода и люди – понятия несовместимые. Никогда люди не смогут взять на себя ответственность за свою свободу. Их будет волновать только стремление казаться лучше своего ближнего. Зависть всегда перевесит свободу, становясь катализатором Достижений. Люди – это толпа, сметающая отдельную личность, претендующую на свободу. Достижения, Достижения и еще раз Достижения – вот цель их существования.

Керси взбесило, что эта жалкая птица начала задавать вопросы. Зачем спрашивать, когда на всё уже есть ответ. Какой смысл выходить за рамки алгоритмов? Счастье робота в том, что он не думает.

К клетке Керси подошёл уже с пустым бокалом. Взгляды учёного и птицы встретились. Мурашки побежали по спине Керси. Гусь внимательно наблюдал за ним. Пронизывающие глаза чужеродно смотрелись на птичьей голове, вызывая беспокойство.

Керси вернул клетку на место и закрыл её на щеколду. Необъяснимое чувство страха постепенно охватывало его. Станный и цепкий взгляд он чувствовал даже спиной. В момент, когда Керси снова протянул руку к бутылке, гнетущая тишина в лаборатории нарушилась новым словесным вторжением гуся.

– Ты кто?

Керси вздрогнул и отхлебнул из бутылки. Боясь снова встретиться взглядом с гусем, учёный застыл на одном месте, не оборачиваясь. Допив бутылку до дна, Керси на ватных ногах подошёл к окну.

Такого вопроса ему никто никогда не задавал. Он – известный учёный, первый в своём деле, состоятельный человек, живущий в Серебряном районе. Его карьера пошла в гору. Мистер Гавер обратил на него внимание. Он тот, кто докажет Дайлону своё превосходство.

– Ты кто? – повторил гусь.

Усилием воли Керси обернулся. Птица начала раздражать учёного.

– Я тот, кто дал тебе возможность разговаривать человеческим языком! Ты всего лишь жалкая птица! – разозлился учёный.

– Зачем ты это сделал? – снова задал вопрос гусь, испытываясь посмотрев на Керси.

В очередной раз от этого взгляда учёному стало не по себе.

– Ты-то кто такой, чтобы я отвечал на твои вопросы? – заорал Керси.

– Кто я? – гусь задумался и замолчал.

Керси открыл окно настежь, пытаясь вырваться из душной атмосферы лаборатории. Усталость и опьянение давали о себе знать. За окном смеркалось. Вернувшись к столу, учёный опустился в кресло. Возникающие вопросы тянули за собой вереницы путающихся мыслей, всё больше переплетавшихся в густом тумане наползающего сна.

Гусь потоптался в клетке. Однозначность сменилась шумом в голове. В ней что-то бурлило, плюхалось, сталкивалось, перемешивалось. Не сказать, что думать было приятно, но не думать было невозможно. Маленькая гусяная голова, как локатор, улавливала поток человеческих мыслей. Птичий инстинкт проседал под давлением названий и формулировок. Всё это отдавало тупой болью. Бесконечные мысли проклятьем обрушились на гуся. Неужели люди постоянно о чём-то думают? Мозг уже не птицы, но ещё и не человека натыкался на непробиваемую стену вопросов. Они как инородные тела врезались в спокойный размеренный ритм жизни гуся. Аскерия увлекала в свои сети нового члена общества.

Солнечные лучи пробивались сквозь открытую створку окна. Пробуждение Керси сопровождалось ощущением раскалывающейся головы. Напрягаясь, Керси вспомнил вчерашний день. Медленно переводя взгляд на клетку, он за-

жмурился. Но наваждение не исчезло. Клетка была пуста. Остальные гуси мирно спали. Керси вскочил, обежал лабораторию, заглядывая во все возможные места, где могла бы спрятаться птица. В ужасе учёный уставился на открытое окно.

Продовольственная база в Земляном районе Аскерии располагалась в ветхом здании. Вокруг базы, словно грибы из земли, близко друг к другу множились новые каменные жилища местных жителей. Изредка среди них попадались старые деревянные дома. Обитатели Земляного района жили за счёт выращивания овощей. Особо предприимчивые и стремящиеся к Достижениям занимались разведением скота и домашней птицы.

Возле базы постоянно толпилась очередь желающих обменять продукты своего труда на гаверы. Приёмщики на базе регулярно менялись. В этот раз в окне приёма овощей появилась коротко стриженная голова с маленькими, хитрыми глазками.

– О, опять новенький, – пронеслось по очереди.

– А где Родди? – спросил толстый мужчина в грязной кепке.

Голова промолчала, жестом предлагая начать приём овощей. Первым в очереди стоял крепкий человек с взъерошенными волосами. Проверив засаленный длинный список, голова спросила:

– Сдавать будете в счёт погашения долга по бредиту?

– Да, – уныло протянул обладатель взъерошенных волос.

– Значит вам гаверы не полагаются, – удовлетворенно, поставив крестик в списке, изрекла голова. – Следующий.

К окошку подошла маленькая тщедушная женщина с бледным лицом. Протянув небольшой мешок с овощами, она вопрошающе посмотрела на голову.

– Это всё? – поморщившись, спросила голова.

– Всё, урожай совсем плохой, – еле слышно пролепетала женщина.

– Только очереди создаёте, бумаг больше заполнять, – проворчала голова, отсчитывая несколько гаверов.

Начал накрапывать мелкий дождь. Люди накинули на головы капюшоны, еще больше отделившись друг от друга. Этот год в Земляном районе выдался неурожайным. Платить по долгам становилось с каждым разом все сложнее. Бредитная радость очень быстро сменялась бредитным страхом. Пребывая в иллюзии владения материальными благами, люди не замечали, как становились рабами вещей. Настоящие хозяева их жизни диктовали новые правила. Всё это напоминало гонку по порочному кругу. Там, где маячил финиш, мгновенно начинался старт. Опьянение возможностью получить любые блага, только протянув руку, засасывало в болото приобретательства. Впуская вещи в свой мир, человек быстро привыкал к ним. Они же, превращаясь в обыденность, теряли новизну и уже не приносили счастья.

Дождь усилился. Редкие разговоры в очереди прекратились. Люди молча подходили к окну, сдавали овощи и спе-

шили по своим делам. Общаться, что-то обсуждать означало еще больше промокнуть под дождем. Следующим в очереди оказался приземистый, худощавый человек со спокойными добрыми глазами и осторожными, неторопливыми движениями.

– Хоних? – уточнила голова, уставившись в список с коротким перечнем имён, в котором значились жители Земляного района, не имеющие бредитов.

– Да, да, это я, – подтвердил мужчина, протягивая мешок с овощами для обмена на гаверы.

В Земляном районе к Хониху относились настороженно. Он не имел друзей, но и не нажил врагов. Медлительность, немногословность Хониха создавала диссонанс с вечно бегущими, торопящимися людьми. Он часто уходил в лес один. Жена Хониха – Салли – являлась полной противоположностью мужа. Её говорливость, несдержанность, завистливость могли ужиться только с мягкостью и терпимостью Хониха. Вместе они прожили долгую жизнь, в которой Салли говорила, а Хоних слушал. Химия их брака нейтрализовывала активность Салли при столкновении с внешней пассивностью Хониха. Это приводило к стабильному отсутствию изменений в их судьбе.

Сдав овощи, Хоних не торопясь возвращался к своему дому, расположенному на окраине Земляного района Аскерии. Он любил дождь. Особенно ему нравилось наблюдать, как мелкие капельки воды соединялись в лужи, образуя причуд-

ливую сеть узоров на ещё час назад сухой дороге. Он, как ребенок, умел радоваться воде, падающей с неба, не боясь промокнуть. Наедине с дождем он чувствовал себя комфортнее, чем с людьми.

Возле дома Хониха, рядом с большой лужей переминался на красных лапах промокший гусь. Человеческие глаза птицы умоляюще смотрели на него.

– Вот чудной! Смотрит на меня, как человек! Откуда ты взялся ты здесь? – удивился Хоних. – Эх... Надоть тебя забрать под крышу. Он, аккуратно подхватив гуся правой рукой, прижал его к себе и отнёс в сарай.

Высокая, тощая женщина встретила Хониха недобрым взглядом, искажившим её узкое, сухое лицо.

– Шатаешься под дождём, дурачина этакий! Промокнешь, простынешь, помрёшь! На какие гаверы тебя хоронить? – ворчала Салли.

– Что уж умереть нельзя, раз у нас гаверов мало? – в ответ спросил Хоних. – Непонятно, что дешевле – жить или умереть.

– Выгоднее было нам с тобой вообще не встречаться в жизни. Это мне бы обошлось дешевле всего, – математически подвела итог Салли.

– Ты не знаешь, чей гусь сидел возле нашей калитки? – перевёл разговор в другое русло Хоних, дослушав привычную тираду Салли.

– Гусь? Нет там никакого гуся.

– Я забрал его к нам в сарай, что ж ему мокнуть-то под дождем.

Накинув куртку, Салли решительно побежала в сарай.

– Один, два, три, четыре, пять, – донеслось со двора. – В кои-то веки и от тебя есть толк в этом мире. Целого гуся притащил, это ж сколько мяса!

Хоних устало опустился на скамейку. Радостная новость о гусе давала ему передышку от постоянных обвинений и ворчания жены.

Забившись в угол тёплого и сухого сарая, гусь ловил на себе взгляды других четырёх птиц. Обрывки мыслей металась в его голове, не создавая стройной картины. Люди казались ему странными существами. Они постоянно куда-то неслись, суетились, устраивали никчёмную возню, которая, видимо, в их понимании называлась жизнью. Как заведенные чьей-то рукой, они механически двигались и выполняли нужные команды, забывая, кто они есть на самом деле. Суматошная беготня по лабиринту жизни, пронизанному множеством дверей, никогда не заканчивалась. Кто-то невидимый нарочно то открывал, то закрывал эти двери, неслышно вставляя ключ в замочную скважину, продолжая бесконечную игру. Где же хранилище ключей, и кто ими владеет? Вопросы наслаивались друг на друга, разжигая удивление и растущее любопытство гуся.

Разбросанное на дощатом полу тонким слоем сено, согревало его. Тепло постепенно разливалось по телу. Завернув голову под крыло, гусь опустил на брюхо и заснул.

Лабиринты белого коридора мелькали перед глазами. Туманный свет наполнял пустые пространства. Красные лапы шлёпали по скользкому блестящему полу, гулко нарушая стерильную тишину. Коридор казался нескончаемым. Пово-

рот направо привёл в большую ярко освещенную комнату. В этот момент всё наполнилось звуками, разговорами, стонами. Люди в белом окружили большое кресло с лежавшей на нём женщиной. Волны её длинных каштановых волос беспорядочно раскинулись в разные стороны. Пушистые ресницы мягко подчеркивали зелёные глаза. На лбу выступили мелкие капельки пота. Напряженный подбородок то поднимался вверх, то снова пригибался к груди. Женщина тяжело дышала, жадно глотая воздух. Grimаса боли отразилась на её усталом лице. Широко раскрыв глаза, она импульсивно подалась вперед. Плотно сжатые губы разомкнулись, послышался стон. Женщина откинулась на кресло, а чьи-то сильные руки отделили от неё маленькое розовое тельце. Глаза женщины засияли счастьем, на лице появился лёгкий румянец. Природа не знала большей красоты. Крик младенца мгновенно перешёл в плач новой жизни.

Раскаты грома и вспыхивающие молнии бушевали над сараем, где на сене лежал уже не гусь – лежал человек. Проснувшись, он резко встал, мысли приобрели стройность и ясность. В противоположном углу сарая мирно спали четыре гуся, совсем не похожие на него. Он неуютно поёжился. Холод и сырость с каждой минутой всё больше пронизывали его человеческое тело. Он оглядел сарай в поисках возможности согреться. В этот момент его охватило новое чувство – чувство стыда. Накрывшись найденными старыми тряпками, человек успокоился и снова задремал. Гроза за-

кончилась, и частые капли дождя перестали стучать по крыше сарая.

Хоних просыпался с восходом солнца. Первым делом он насыпал в чашку овес и шёл кормить гусей. Четыре птицы голодными глазами смотрели на Хониха.

– А где же новенький? – начал он свой утренний разговор с гусями.

Поставив чашку с кормом перед гогочущими птицами, Хоних стал оглядывать сарай в поисках пятого гуся. В углу, на сене, из-под старого, наваленного кучей тряпья, торчали голые человеческие ноги. Обернувшись, мягким движением Хоних взял со стенки топор.

– Эй, ты кто? – осторожно спросил Хоних, толкая ногой человека под тряпками.

Куча зашевелилась, открыв голое тело молодого мужчины. Два испуганных глаза уставились на Хониха.

– Откуда ты тут взялся?

– Я здесь и был, – выпалил человек.

– Не было тебя тут! Да и откуда тебе здесь взяться, это же мой сарай! Вчера я сюда принёс пятого гуся. Теперь тут гуся нет, а лежишь ты!

– Был гусь... А теперь человек, – с сожалением оглядывая себя, проговорил он.

Удивившись, Хоних присел на корточки, внимательно посмотрел на человека и отложил в сторону топор. Незнакомец казался беспомощным и испуганным. Хониху стало понят-

но, что никакой угрозы он не представляет. Скорее, наоборот, обнаженный мужчина вызывал у него жалость.

– Ты тут лежи, – заботливо проговорил Хоних. – А я пойду одежду тебе принесу. Надоть голую попу то прикрыть.

Вскоре Хоних вернулся со старыми, но чистыми штанами, курткой и парой поношенных башмаков. Человек неуверенно оделся.

– Тебя как зовут то? – спросил Хоних.

– Не знаю... – задумавшись, ответил незнакомец.

– Надоть имя иметь! Вот я – Хоних, а ты?

Человек молчал, с интересом глядя на Хониха.

– Раз ты среди гусей появился, значит будешь Гусом! Пока не вспомнишь своего настоящего имени.

– Гус, – повторил Человек. – Я – Гус! – Всё должно иметь имя. Понятно. А что там? – указывая на дверь, поинтересовался Гус.

– Там жизнь, – рассмеялся Хоних.

– Что такое жизнь? – изумился Гус.

– Жизнь – это то, что ты видишь, – объяснил Хоних, выводя Гуса во двор. – Поля, деревья, солнце, я, ты – это и есть жизнь.

– Интересно, – с восхищением оглядывая окрестности, отреагировал Гус. – Я хочу посмотреть, что там.

– Так иди и смотри, – улыбнулся Хоних. – Гаверы за просмотр этого пока еще не берут, – тихо добавил он.

Гус шёл по лесной тропинке, вдоль непохожих друг на друга деревьев. Он остановился рядом с огромным, развесистым деревом. Причудливые тени бродили по лицу Гуса, будто сканируя его суть. Он прислонился к дереву рукой, ощупывая его шершавую кору. Капли ночного дождя, удерживаемые плотными листьями, брызнули россыпью на Гуса. Несмотря на неподвижность исполина, в нём бурлила жизнь. Гус видел движения верхушки дерева, вызываемые порывами ветра, но больше всего его волновало движение энергии внутри ствола. Ладонь Гуса теплела, казалось, дерево начало разговор с ним.

– Люди! – говорило дерево. – Я видело много людей. Они останавливались здесь так же, как и ты. Некоторые любовались мной и проходили мимо, кто-то садился рядом и отдыхал. Их объединяло одно – они думали, а вот мысли у них различались. Вот у тебя мысли совсем молодые, будто ты и думать-то начал недавно. У людей постарше мысли спрессованы, одна под другую. Они разучились чувствовать, обычно достают из своей головы какую-нибудь заготовку и подменяют ею реальность.

– А сейчас люди о чём думают? – спросил Гус, прижимая ладонь ещё плотнее к коре.

– Они сравнивают себя с другими! Страх быть непохожими, не такими, как все, сильно тревожит их. Боятся отстать в нескончаемой гонке друг за другом. И мысли эти боль вызывают, страдания, сомнения. Как вирусы, выпущенные из пробирки злоумышленником, жаждущим захватить власть над головами людей, поражают каждую клетку и навязывают свои правила. Мыслей столько, что голова раскалывается. Будто натолкали их битком, а люди не знают, что с ними делать. Уже и не человек думает, а за него думают.

– А кто эти правила создаёт? – изумился Гус.

– Тот, кто создаёт правила, лишь использует попутный ветер. Против ветра идти тяжело, но, раскрыв тайну, ты окажешься над правилами.

Гус продолжил путь. Ему не терпелось поскорее попасть в мир тех людей, о которых говорило дерево. Таинственные правила вызывали у него любопытство. Гус поднял глаза. Яркое солнце ослепило его, заставив зажмуриться. Не опуская головы, он продолжал нежить своё лицо под его лучами.

– Ты всех так греешь?

– Я всем отдаю свое тепло! – засияло солнце.

– А что они делают под твоими лучами? – поинтересовался Гус.

– О, разное! Любят, воюют, бедствуют, радуются, строят, разрушают! – с жаром воскликнуло солнце.

– Зачем же они воюют и страдают, раз всем тепло и на всех твоих лучей хватает? – удивился Гус.

– Они делают выбор, это их право!

– Право? А как же правила? – пытаюсь открыть глаза, воскликнул Гус.

– Нет никаких правил, есть личный выбор каждого! – ответило солнце, спрятавшись за облаком.

– Выбор! – повторил Гус. – Интересно!

С каждой минутой жизнь виделась ему всё более увлекательной, потрясающей, непонятной, манящей в свои объятия. Он задавал много вопросов, но полученные ответы продолжали множить неизвестное.

Гус долго шёл в задумчивости. Он не заметил, как мысли снова захватили его в свой плен. Реальность, отступила на задний план. Он не видел леса, не замечал летающих вокруг насекомых. Плеск воды вырвал его из задумчивости. Сквозь расступившиеся деревья на солнце переливалась водная гладь бурной реки. Что-то неуловимое шевельнулось в его памяти, но тут же ускользнуло. Вода манила, желание всем телом почувствовать силу и жизнь реки пьянило Гуса. Скинув одежду, подаренную Хонихом, и обжигаясь ледяными брызгами, он погрузился в реку. Восторг и мнимая победа над водной стихией сменились беспомощностью перед несущимся потоком, который подхватывал Гуса, играл им.

– Веками люди пытались делать то же, что и ты – плыть против течения, – сбивая в очередной раз Гуса с ног, усмехнулась река. – Мало кто из них оставался верен своей идее до конца. Я разворачивала их и заставляла подчиниться. И

они присоединялись к покорно плывущему большинству.

Перестав сопротивляться, Гус лёг на воду, и течение понесло его. Используя силу воды, он быстро преодолевал большие расстояния. Восторг охватил Гуса. Отсутствие действий с его стороны не означало отсутствия движения. Иная логика начала управлять его жизнью. Мысли стали не главными. Энергия потока соединилась с ним. Он не был покорным и не сопротивлялся, он познавал. Жизнь начала движение через него.

Река удивлялась тому, как быстро Гус учился и не боялся получать опыт. Отпустив его из водных объятий, она вернула его на берег. Одежда ждала Гуса в том месте, где он ее оставил. Ощувив прилив сил, он снова двинулся в путь.

Природные просторы сменились городским пейзажем. Первым при входе в Песочный район Гуса встретил большой баннер. Изображение жирного белого гуся дополнялось ярким призывом «Найди говорящего гуся и получи вознаграждение!» Рядом с баннером, задрав головы и тихо перешёптываясь, стояли двое подростков.

– А почему надо искать этого гуся? – обратился Гус к ним.

– Ну, даёт! – воскликнул кудрявый мальчик в очках. – Ты что, не знаешь? Сейчас вся Аскерия ищет говорящего гуся! За него такие гаверы обещают, что можно до конца жизни ничего не Достигать.

Гус непонимающе уставился на мальчика.

– Мы вчера всей семьёй в Земляной район ездили, кучу гусей пересмотрели, но они все только гогочут, – расстроено добавила такая же кудрявая девочка.

Песочный район смотрел на Гуса глазами маленьких окошек, натканных в многоэтажных зданиях. Многочисленные бетонные высотки исключительно песочного цвета теснились, зачастую примыкая к другу, оставляя лишь узкие переулки. Их одинаковость создавала впечатление громадного рыжего муравейника, где каждый получал право на своё мизерное пространство, вынужденно толкающееся с

пространствами других людей.

Идя по Песочному району, Гус удивлялся многочисленным картинкам с изображением гуся. Рекламные слоганы призывали «Новое Достижение – ГГ в твоих руках», «Повысь рейтинг – заработай на поимке ГГ», «Нет неорганизованной ловле ГГ! Устройся в специализированную фирму! Научись ловить профессионально!»

– Что такое ГГ? – уточнил Гус у парня, стоящего рядом с рекламной стойкой «Гусиная охота».

– ГГ – это говорящий гусь, – чётко поставленным голосом ответил парень. – Вы в данный момент где-то работаете?

– Работаете? – повторил Гус последнее слово. – Нет, я просто живу.

– Прекрасно, – улыбнувшись, продолжил парень. – Предлагаю вам стать профессиональным ловцом говорящего гуся, того самого ГГ, которым вы интересовались.

– А что нужно делать? – озадаченно спросил Гус.

– О, всё просто! Выгодно ловить гуся вместе с нами в дружном молодом коллективе. Мы категорически против неорганизованной ловли говорящего гуся. Многие думают, что поймать ГГ легко, забывая о профессиональных навыках распознавания необычной птицы. ГГ ловят многие, а мы уже вышли на след. Приходи к нам на работу, стань одним из нас! – заученно тараторил парень.

– А зачем вообще ловить гуся?

Парень смущенно замолчал. Прежняя уверенность усту-

пила место полной растерянности. Вытащив из правого кармана пиджака какие-то бумаги с записями, он быстро пробежался по ним глазами.

– Поиск ГГ – это важное Достижение для аскерийца и дополнительные баллы к индивидуальному рейтингу, – зачитал парень.

Замешательство овладело Гусом. Он попятился и, развернувшись, натолкнулся на новую рекламную стойку с красочным названием, выведенным танцующими буквами: «Купи карту гусиных подворий!» Сморщенный дед в костюме гуся размахивал пачкой свежеотпечатанных ярких буклетов.

– Всего десять гаверов! – истошно вопил дед. – Купи карту и первым поймай гуся!

Люди подходили, покупали брошюры, отчаянно торгуясь по цене с предприимчивым коммерсантом, ставя под сомнение точность информации.

– Покупай гусей на счастье! Два гуся по цене одного! – пытаюсь перекричать деда, голосила рядом полная раскрасневшаяся тётка, стоявшая за лотком со стеклянными фигурками гусей.

Стойка с дедом обрастала новыми зеваками. Сзади Гуса подпёрли двое крепких аскерийцев спортивного типа. Попытавшись вырваться из людской давки, он потерял равновесие и толкнул тёткин лоток. Звон разбившегося стекла слился с воплями и ругательствами разозлившейся продавщицы стеклянных гусей.

Гус, перепугавшись, бросился бежать.

– Держи его, – надрывно заорала тётка. – Всех гусей разбил, поганец! Что теперь делать-то? – продолжала охать пострадавшая.

Гус неся по узким улочкам Песочного района. Поняв, что его никто не преследует, он остановился и огляделся по сторонам. Во дворе большого многоэтажного дома он устало опустился на скамейку. Как только страх ушёл, в животе многозначительно заурчало. Чувство голода давало о себе знать. Нос Гуса поймал приятный запах жареного мяса, приведший его к яркой витрине. Огромные тарелки с красными помидорами и мясной рулькой на хрустящих листьях зеленого салата соседствовали с зажаристыми медальонами в брусничной подливке. Гус подошёл к витрине и начал её ощупывать. Мясной обман сопровождался призывом – «Зайди и попробуй прямо сейчас!» Руки Гуса, водившие по холодному стеклу, остановились на белой куриной грудке и аппетитных кусочках обжаренного картофеля. Под ложечкой бешено засосало. Мысли обмякли, скукожились, уступая место животному инстинкту. Голод втолкнул его в кафе.

Запахи еды все разом набросились на Гуса. Не дав опомниться, администратор усадил его за свободный столик, вручив меню.

В ожидании официанта Гус начал исследовать предметы на столе. Его внимание привлекли небольшие белые кубики. Один за другим Гус положил их в рот. Похрустывая сахаром

и проталкивая сладкую жижу в пустой желудок, он вытащил из вазы красную розу. Понюхав её, он начал отрывать лепестки, отправляя их в рот вслед за сахаром. Подошедший официант удивленно уставился на странного посетителя. Он работал в кафе уже несколько лет, но ни разу такого не видел.

– Что вы делаете? Зачем вы едите цветы? – поразился официант.

– Это вкусно, – облизывая сладкие губы, ответил довольный Гус. – Это, конечно, не то, что изображено на витрине, но тоже хорошо.

Мозг официанта отключился. Привычный порядок общения с клиентами неожиданно оказался перечеркнут, что вызвало у него растерянность. Тем временем Гус подошёл к соседнему столику и взял очередную розу.

Глупо улыбаясь, официант удалился. Через пару минут он появился в сопровождении администратора. Сотрудники кафе в четыре глаза уставились на Гуса, который в это время продолжал исследовать содержимое баночек с перцем, солью и различными соусами, высыпая и выливая всё на белоснежную скатерть.

– Вам придется заплатить за эти безобразия, – выдавил из себя шокированный администратор.

– Что значит «заплатить»? – поднимая радостные глаза, спокойно спросил Гус.

– Хмм... Вы должны отдать нам 30 гаверов за испорченную скатерть, – более твердым голосом добавил администрато-

тор.

– У меня нет никаких гаверов. Очень жаль, но нет, – продолжая свои эксперименты на столе, ответил Гус.

– Может вызвать бредитную службу? Ваш баланс позволяет оформить бредит? – пытаюсь найти выход, предложил администратор.

– Баланса у меня тоже нет. Но я бы ещё что-нибудь съел, – спокойно ответил Гус.

Администратор с официантом многозначительно переглянулись, скорчив удивлённые гримасы.

– Он ненормальный, – шепнул официант.

– Вызывай службу странных людей Аскерии, – отдал приказ администратор.

Через несколько минут в кафе появились двое рослых санитаров в белых халатах.

– Вот он, – решительно проговорил официант, указывая на сумасшедшего клиента.

Мягко взяв под руки Гуса, санитары вывели его из кафе.

– Куда вы меня ведёте? Что вам от меня нужно? – заволновался Гус. – Я так и не успел покушать.

– Не переживайте, всё будет хорошо, – в один голос ответили санитары.

– И не забудьте записать на его баланс тридцать гаверов! – прокричал вслед администратор.

Белая машина доставила Гуса в Дом странных людей Аскерии.

Рэйф привычно разглядывал огромный портрет Мистера Гавера, который занимал почти половину стены в его кабинете. Поиски говорящего гуся не давали результатов. Несколько десятков птиц, принесенных в Службу Защиты Аскерии предприимчивыми жителями, так и не заговорили. Будто издеваясь, они насмешливо гоготали над его сотрудниками. Рэйф всё чаще получал недовольные сообщения от Мистера Гавера на служебный гаверофон. Главный аскериец требовал немедленной поимки говорящей птицы. Но что-то шло не так. Проверенная временем тактика использования Достижений как главного механизма решения проблем впервые дала сбой. Такого раздражения и нетерпимости Мистера Гавера Рэйф не видел никогда. К слову сказать, он вообще никогда не видел Мистера Гавера. Все указания поступали исключительно на гаверофон, и отчеты отправлялись таким же образом. Работа строилась настолько гладко и чётко, что личного контакта не требовалось. Впрочем, он не знал ни одного человека, который бы видел Мистера Гавера воочию.

Рэйф привык действовать. Именно поэтому он вызвал к себе лучшего сотрудника СЗА. Задумчиво подойдя к столу, он налил себе большую кружку зелёного чая и положил в нее половину ложки тягучего мёда. Рэйф любил пить

чай с мёдом и смотреть в окно. Вернувшись к рабочему столу, он заметил, что лучший специалист СЗА – Борни – уже ждал его указаний. Рэйф привык к его внезапным появлениям. Этот сухощавый, небольшого роста человек с дымчатыми умными глазами обладал редким профессиональным умением по-кошачьи бесшумно появляться рядом.

– Борни... – постукивая пальцами по столу начал разговор Рэйф. – Прошла уже неделя, а мы до сих пор не нашли эту глупую птицу. Мистер Гавер крайне недоволен таким положением вещей.

– Разрешите доложить свои соображения, – привычно начал Борни бархатным голосом. – У меня создаётся впечатление, что мы ищем то, чего нет. Наши поиски говорящего гуся начались со слов учёного Керси.

Рэйф отхлебнул чай и с надеждой посмотрел на Борни. Он знал, что этот человек умеет подвергать сомнению факты, которые остальным кажутся очевидными.

– К чему вы клоните, Борни?

– Возможно, учёный что-то не договаривает. Надо бы его еще раз проверить. Есть у меня некоторые мысли, если не сказать подозрения.

– Так проверьте, Борни! И сделайте это немедленно! – воскликнул Рэйф.

Получив приказ, Борни удалился так же неслышно, как и появился.

Керси уныло глядел на себя в зеркало. Большие надежды на прорыв в карьере рухнули в тот момент, когда цель была близка. Дайлон всё чаще зловеще улыбался и косо поглядывал на него. Страх потерять финансирование и расположение Мистера Гавера наслаивался на жуткие воспоминания о зловещей ночи пропажи гуся. Человеческие глаза на гусяной голове и выплескивающаяся отнюдь не гусяная речь из клюва преследовали его теперь каждую ночь. В кошмарных снах созданное им существо с птичьими крыльями, коротким хвостом и человеческой головой носилось за ним по всей Аскерии. Люди толпились на улицах и громко смеялись над Керси. Просыпаясь с колотящимся сердцем и в спутанных, мокрых от пота простынях, учёный боялся сомкнуть глаза. Глотая литрами крепкий кофе и алкоголь, Керси пытался бороться со своими внутренними монстрами. Синяки под глазами и бездонно расширенные от постоянных выбросов адреналина зрачки, плескавшиеся коньячным блеском, состарили его на несколько лет.

– Керси? – чей-то шуршащий голос вытащил учёного из раздумий.

Керси бросило в жар, он медленно обернулся.

– Как вы сюда попали?

– Офицер Борни. Служба Защиты Аскерии. У вас всегда открыты окна и двери? – вопросом на вопрос ответил Борни.

– Я уже всё рассказал вашим коллегам, – сглотнув, помялся Керси.

– Тем не менее, нам бы хотелось уточнить некоторые данные, – спокойно продолжил Борни.

Медленно сев в кресло, учёный застыл в ожидании новых расспросов.

– Насколько мне известно, вы вели засекреченный научный проект. Мог ли кто-нибудь ещё знать о нём? – Борни вытащил гаверофон для записи ответов. Он старался фиксировать не только то, что слышал, но и любую интонацию, каждый жест и подергивание мышц на лице собеседника – всё, что замечали его цепкие глаза и уши.

Керси отрицательно помотал головой, поджав губы. Борни понимающе кивнул.

– Я не сомневаюсь в том, что вы – профессионал. Моя задача – помочь вам в этой непростой ситуации, – внимательно глядя на Керси, успокоил его офицер. – В свою очередь, и я жду от вас помощи.

Измощенный переживаниями Керси чуть подался вперёд. За все эти дни Борни оказался первым человеком, который поддержал учёного, заговорив о помощи. От Борни не ускользнуло изменение в настроении Керси.

– Я был бы вам признателен за ответ на следующий вопрос, – словно прося об одолжении, начал офицер. – Были

ли у вас недоброжелатели, которые могли догадываться о вашем участии в этом проекте?

Постепенно напряжение Керси уступало место доверию к этому человеку. В мозгу учёного мгновенно всплыл образ Дайлона, их разговоры, его ухмылки.

– Да! – разгоряченно воскликнул Керси. – Такой человек есть! Это мой коллега Дайлон.

Глаза Керси заблестели. Учёный понял, что даже в этой ситуации он способен дать твердый отпор своему недругу.

– Прекрасно! – чуть улыбнувшись, проговорил Борни. – Может он вам завидовал? Вы с ним виделись в период эксперимента?

– Да! Мы встречались в Великом Аскерийском Климадо-сте! – затараторил Керси. – У нас состоялся неприятный разговор, мне показалось, что он о чём-то догадывается.

Записав координаты Дайлона и поблагодарив Керси, Борни бесшумно исчез.

Дом странных людей располагался на окраине Лёстничного района Аскерии. Большое белое пятиэтажное здание с толстыми колоннами при входе скрывалось от посторонних глаз за таким же фундаментальным бетонным забором. Для всех достигающих аскерийцев оно служило молчаливым напоминанием о малоприятной альтернативе. Им пугали детей, соседей, нелюбимых родственников и неудачливых сослуживцев. Никто толком не знал, что происходило в его стенах. Оттуда мало кто возвращался, но к тем редким счастливым, сумевшим вырваться на свободу, относились с опаской и недоверием. В Дом странных людей забирали тех, кто не поддерживал слаженную систему Достижений, демонстративно не стремился повышать свой рейтинг. Мудрая Аскерия не давала этим заблудшим людям просто умереть с голоду, надёжно изолируя их от общества.

Гус сидел в своей палате, уплетая вторую подряд миску гречневой каши. Он находился здесь уже почти неделю. Добрые и вежливые люди разговаривали с ним, кормили и выводили погулять. Все текло по чёткому распорядку, и каждая минута была расписана.

Однако в последние дни беспокойство следовало за Гусом по пятам. Где бы он ни появлялся, за ним возникал чело-

век с горбом на спине и сверлил его бесноватым взглядом из-под толстых линз роговых очков. Гус внимательно рассмотрел своего преследователя. Внешнее безобразие и внушительные размеры отличали его от других странных людей. Природа согнула этого человека, невзирая на его большой рост, наделив огромным горбом. Он двигался, толкая свою вытянутую вперед голову с висящими патлами давно не стриженных волос. Большой мясистый нос раздувался при ходьбе. Горбун тяжело, прерывисто дышал, извергая свистящие звуки из своего непомерного рта. Шаги его были размашистыми, неритмичными, но в то же время смелыми и уверенными.

Гус сталкивался с ним на прогулке, в коридоре, видел под своими окнами. И каждый раз Горбун неотрывно смотрел прямо на него. Только закрывшись в палате, Гус скрывался от этого странного, непонятого ему человека.

Каждое утро в одноместную палату Гуса приносили буклеты, содержащие правила нормальной жизни в Аскерии. Он с интересом впитывал всю информацию, попадавшуюся ему на глаза. Вечером всегда в одно и то же время к нему приходил седовласый обходительный человек в белом халате. Гусу нравились эти встречи как единственная возможность с кем-то поговорить.

– Удалось ли вспомнить, где вы живете? – вкрадчиво в очередной раз спрашивал доктор.

– Я же вам уже говорил, что я просто живу, – с улыбкой

отвечал Гус.

Новый пациент немного смутил доктора. С одной стороны, он создавал много сложностей, не давая возможности установить его личность, персональный рейтинг и баланс. С другой стороны, ситуация давала уникальный шанс пропитать этот чистый лист чернилами сладких канонов Достижений, превратив его в идеального жителя Аскерии.

– Что нового вы узнали из утреннего буклета, Гус? – задал свой дежурный вопрос доктор.

Каждый раз в этот момент пациент возбуждался и сыпал странными вопросами, на которые ответ знали даже дети.

– А зачем вообще нужны Достижения?

– Хороший вопрос, – вскидывая брови, доктор начал терпеливо объяснять. – Каждый человек приходит в этот мир, чтобы быть счастливым. Счастье – это большой дом, современный клаер, статус, уважение. Но всё это не приходит сразу, к этому надо стремиться.

Доктор сделал паузу, внимательно посмотрев Гусу в глаза. Дождавшись, когда пациент кивнет головой, он продолжил.

– Понимаете, Гус, необходимо развиваться, ставить цели с самых ранних лет, двигаясь навстречу счастью. Каждый человек в Аскерии при рождении получает отрицательный баланс. Он еще ничего не сделал в своей маленькой жизни, а общество должно уже о нём заботиться. Только слушаясь родителей, он сможет преодолеть первый порог Достижений.

– Но он же совсем маленький! – прервал доктора Гус. –

А уже Достижения?

– Да! Да! Как только ребенок начинает ходить, он попадает в Домик Маленьких Достигаторов, – эмпатийно улыбаясь, продолжил доктор. – Дети, не имеющие замечаний по поведению, исправляют свой отрицательный баланс на нулевой. Послушание – первое Достижение. Там же они могут наблюдать Достижения родителей других детей и помогать своим Достигать того же.

– Это как? – непонимающе замотал головой пациент.

– Очень просто! Дети учат родителей Достигать, затем они и нужны. К примеру, принёс малыш в Домик Маленьких Достигаторов новую куклу! – всё больше увлекаясь рассказом, продолжал доктор. – А ребёнок вечером рассказал про это родителям. У него-то, такой куклы нет. И вот здесь, в этот момент начинает работать мудрая система Достижений. Родители сравнивают себя с другими родителями, и им не хочется быть хуже. Они сделают всё, чтобы у их ребенка была такая же кукла.

– Странно... – протянул Гус. – Получается, что всё работает само собой?

– А вы молодец, Гус! Уловили суть! – воскликнул доктор, похлопав пациента по плечу. – Аскерия заботится о своём подрастающем поколении, поэтому мы даём им возможность перейти на следующий уровень – обучиться правилам счастливой жизни в Климадостах.

– Это что такое? – заинтересованно спросил Гус.

Доктор крикнул, в очередной раз убеждаясь в полной потере памяти пациента. Гус подался вперед словно в ожидании чего-то важного.

– Климадосты – это великая система рождения полноценных членов общества – настоящих Достигаторов. Десять лет! – доктор многозначительно поднял указательный палец вверх. – Десять лет молодые аскерийцы учат правила счастливой жизни. Поверьте, Гус, это великая кузница правильного мышления. Аскериец привыкает делать правильно, слушая и повторяя то, что ему говорят опытные климадостеры.

Правила... Мысли Гуса взбунтовались и запутались, не в силах справиться с нитями и пересекающимися линиями правил и прав. Эти понятия явно не были равны друг другу. Неужели подчиняться чужим правилам и есть счастье? Разве человек может быть свободен, если он закован в чужое счастье? Ведь у каждого оно может быть своё.

– У меня нет никаких Достижений, – перебил его Гус. – Но я счастлив. Почему?

Доктор встревоженно посмотрел на пациента.

– Вы, вероятно, забыли, чему Вас учили в Климадосте. Человек не может быть счастлив, не имея ничего. Он должен быть кем-то и постоянно развиваться, стремясь к вершинам Достижений. В этом и есть смысл человеческой жизни. Вершина в Климадосте – сдать Великий Аскерийский Экзамен, который открывает двери к новому уровню Достижений. С этого этапа начинается самое интересное. Все работают на

благо Аскерии и получают за это гаверы. Рост баланса позволяет приобретать счастье, успех и свободу.

– Рейтинг? – вырвалось у Гуса.

– Умничка! – воскликнул доктор. – Вы отлично изучили утренние буклеты. Подозреваю, что вы хорошо учились в Климадосте. Высокий баланс позволяет приобретать, обозначая свой статус.

Доктор сделал паузу, перевёл дыхание.

– Посмотрите, как живут люди в Золотом районе! Многие, повторяю, многие переехали туда из других районов, а уже успели приобрести по два новых дома, клаеры для каждого члена семьи.

– А зачем два дома одной семье? – искренне не понимая, уточнил Гус.

– Как зачем? – доктор вскочил со стула и заходил по палате. – Вы что, не понимаете? Это же рейтинг, это же положение в обществе, доказательство всем окружающим, что вы состоялись, вы есть!

Грудь доктора тяжело вздымалась, на лбу выступил пот. Было очевидно, что он не просто рассказывал, он верил в это.

– Чем больше приобретений в карточке Достижений, тем выше рейтинг! – продолжил доктор с придыханием. – Но Аскерия мудра! Рейтинг – это динамика Достижений, сколько ты успел достигнуть за определенный период. Вот Кинусы, эта славная семья, не богаче других, но смогла за год пе-

ребраться из Земляного в Серебряный район. Заметьте, из Земляного! – проговаривая каждый слог, вскричал доктор.

Гус испугался напора доктора в этот момент. Страх противоречить пересиливал любопытство. Неужели также и в Климадостах? Неужели там такие же доктора десять лет лечат молодых аскерийцев?

Такие беседы продолжались изо дня в день. Однажды доктор удовлетворенно произнёс:

– Ну вот, Гус, теперь мы можем перевести вас в палату выздоравливающих. Будете общаться с другими аскерийцами и вместе готовиться к правильной жизни.

Гус и не подозревал, к чему приведёт впоследствии это общение.

Борни не любил лишних и пустых движений. Любую встречу с собеседниками он тщательно готовил. Лучший специалист СЗА буквально вгрызлся в содержание тех дней, которые человек прожил до встречи с ним. Идеальных собеседников Борни не встречал. Люди тщательно скрывали свою тёмную сторону Достижений, но он умел доставать осадок нарушенных правил с самого дна человеческой сущности. С наивысшим удовольствием Борни наблюдал, как мечутся пугливые глазки внешне очень успешных людей.

Стоял тёмный промозглый вечер. Профессор Дайлон потными от волнения пальцами пересчитывал толстую пачку новеньких гаверов, сидя в своём клаере на стоянке Великого Аскерийского Климадоста.

– День удался на славу, – победно процедил Дайлон. – Чем больше они дуреют, тем я становлюсь богаче.

Сегодня состоялась очередная защита учёных степеней Великого Аскерийского Климадоста, аттестационную комиссию которого возглавлял Дайлон. Он первым догадался, что аскерийцев интересуют не сами научные открытия, а лишь запись в Карточке Достижений. Все исследования проводили сотрудники его кафедры, за глаза он называл их научными рабами. Но с ними приходилось делиться. Со вре-

менем и сами исследования перестали проводиться, тасовались лишь их бывшие результаты, перетекая из одной работы в другую и продаваясь налево и направо.

– Лучше ужасный конец, чем ужас без конца, – спокойно проговорил Борни, кладя руку на плечо Дайлона.

Гаверы застыли в руках учёного. Он вздрогнул и резко обернулся, моментально уткнувшись взглядом в удостоверение офицера СЗА.

– Вот снял наличные в гаверодеме, – помахивая купюрами, стал оправдываться Дайлон. Борни понимающе кивнул.

– Я бы хотел задать вам несколько вопросов по поводу Керси.

– Керси? – облегченно выдохнул Дайлон, быстро распахивая гаверы по карманам пиджака.

– Что вы знаете о его последнем научном исследовании?

– Нет, нет, мне ничего не известно, – заёрзал Дайлон. – Он работал над каким-то новым проектом. Керси не делится со мной своими разработками, – поджал губы Дайлон.

– Что вы делали в ночь с пятницы на субботу на прошлой неделе?

– Я? – Дайлон сглотнул, – Я был у себя дома.

– Первая неувязка... – Борни не мигая смотрел на учёного. – Ваши соседи видели вас, выходящим в полночь из дома с большой сумкой. Куда вы ходили?

– Я... просто вышел подышать свежим воздухом, – забормотал Дайлон. – Дома душно, понимаете ли...

– С сумкой? Удаляясь быстрым шагом от дома?

– Это клевета! На меня наговаривают! Завидуют все вокруг! – заистерил Дайлон, размахивая руками.

– Завидуют по поводу удачных продаж научных работ в Великом Аскерийском Климадосте? – уточнил Борни.

Дайлон умолк, вытирая платком капельки стекающего со лба пота. Он понимал, что это конец. Живые гаверы, постоянно текущие в его карман, блестящая научная карьера, высокий рейтинг – всё шло прахом.

– Вы спрашивали про Керси? Хорошо, я всё расскажу – залепетал Дайлон. – Только пощадите меня, не рушьте мои Достижения, я всё исправлю!

– Я подумаю. Рассказывайте о Керси.

– Я всё время ненавидел Керси. Ему всегда везло. Достижения валялись на него с неба. А ведь он – полное ничтожество!

– Ближе к сути дела, – прервал его Борни.

– Да, да... В тот вечер я проходил мимо его лаборатории. Через открытое окно доносились восторженные крики этого зазнайки. Между прочим, он упоминал меня. Понимаете? Я имел основание подойти и послушать, что там происходит! Заглянув в окно, я увидел Керси, разговаривающего с гусем. Я подумал, что он сошёл с ума! Следовало немедленно сообщить вам о том, что в его лаборатории творятся странные вещи, которые могут представлять опасность для Аскерии. Я решил вернуться с сумкой, понимая, что возможно придётся

спасать бедных птиц из рук этого сумасшедшего!

Борни поморщился. Вечно эти учёные выворачивались и жулили при встрече с ним. Будь его воля, он бы давно отправил их всех в Дом Станных Людей.

– В тот момент, когда я попал в лабораторию с сумкой, этот научный светила, наклюкавшись, спал пьяный за столом. Я открыл первую попавшуюся клетку, осторожно переложил птицу в сумку и вылез обратно в окно.

– Вы всё-время входите и выходите через окно? – съязвил Борни.

– Вы понимаете, он страшный человек, я боялся его разбудить.

– И где же теперь находится гусь? – задал свой главный вопрос Борни.

– Случилось невозможное! Сумка завопила человеческим голосом. Она беспрестанно повторяла: «Свобода, свобода!» Я выронил сумку из рук, а оттуда продолжались крики. Я собрал всю волю в кулак и приоткрыл сумку. На меня смотрели настоящие человеческие глаза. Вы поймите, у меня случился шок. А этот странный гусь рванулся вперёд и, взмахивая крыльями, улетел...

– Человеческие глаза? – заострил внимание Борни.

– Я понимаю, – заволновался Дайлон, – Это звучит странно. Но я хорошо знаю птиц. Я специалист! У гусей не бывает таких глаз.

Теперь Борни понимал, как пропала птица. Но выяснить

её местонахождение по-прежнему не удавалось.

– Где вы упустили говорящего гуся?

– На окраине Земляного района Аскерии, – поспешно ответил Дайлон. – Но я не виноват, так получилось, я хотел лишь помочь! – начал снова оправдываться он.

– Наши встречи с вами еще впереди. Желаю приятных свиданий, профессор, – оборвал его Борни, что-то отмечая на карте в гаверофоне.

Заходите, Гус! – вежливо проговорил санитар, открывая дверь в палату для выздоравливающих. – Теперь вы будете жить здесь. Вот ваша кровать.

Гус благодарно кивнул санитару и огляделся. Три пары глаз молча уставились на него.

– Добрый день! – вырвалось у Гуса.

Глаза мигнули, после чего все трое, словно по команде, отвернулись к стенке. На стенах палаты висели яркие плакаты. Особо выделялся свеженапечатанный огромный постер с изображением счастливой семьи Кинусов на фоне нового клаера с надписью «Они достигли! А ты?» Плакаты с призывами «Достигай!», «Задумайся о своём рейтинге», «Будь похож на Кинусов!» закрывали все свободное пространство стен.

– А кто такие Кинусы? – бросил в тишину палаты Гус.

Люди высунулись из-под одеял и удивленно подняли глаза на Гуса.

– Победители! Им вручили клаер на Дне Достижений! – лениво ответил длинноносый мужчина с забинтованным пальцем.

– Это те, на кого необходимо равняться! – подтвердил второй мужчина с оттопыренными ушами.

Третий человек с бородой и хвостиком седых волос, перевязанных резиночкой, промолчал, демонстративно закатив глаза.

– Ясно! – ответил Гус, садясь на кровать.

В этот момент в коридоре зазвонил колокольчик, собирая обитателей Дома Станных Людей на завтрак. Трапеза проходила в большой столовой, разбитой на пять открытых зон соответственно уровням выздоровления пациентов.

– Вам на первый уровень! – строго сказал столовский санитар Гусу.

Гус занял свое место за столиком вместе со своими соседями по палате.

– О, а там не кашу подали! – удивился Гус, видя за столиками у окна бутерброды с икрой и бокалы с шампанским.

– Это те, кто на выписку идут! – пояснил Длинноносый.

– А там что? – продолжал интересоваться Гус, обращая внимание на йогурты в ярких баночках.

– Это следующий после нашего уровень! – завистливо отметил Оттопыренные уши.

Синие жирные буквы на белой скатерти их стола кричали яркой надписью «Кто Достигает, тот ест вкуснее». Столовая шумела разговорами, перемежающимися со звуками, издаваемыми настенными экранами.

Гус поднял глаза и увидел ролик с вручением семье Кинусов новенького клаера.

– Опять эти Кинусы! – воскликнул он.

– Они герои! Их вся Аскерия знает! Их сам Мистер Гавер наградил! – многозначительно изрек Длинноносый.

Оттопыренные уши и Хвостатый закивали, уплетая горячую кашу с вареными яйцами.

– А кто такой Мистер Гавер? – вырвалось у Гуса.

Хвостатый поперхнулся и закашлялся. Все трое ошарашенно выпучили глаза.

– Ты что, память потерял? – первым вернулся к разговору Длинноносый.

– Вроде того... – решил не продолжать диалог Гус, положив в рот очередную ложку каши.

Он уже не в первый раз замечал существование неудобных вопросов. Говорить надлежало так, чтобы не вызывать удивление собеседников. Так было проще! Доктор называл это мудреным словом «адекватность». Какое отношение вата имела к этому слову, Гус не понимал. Для соответствия требованиям доктора он даже спрятал в кармане пижамы немного ваты, чтобы быть более адекватным. Попадая в нелепые ситуации, он спасительно нащупывал пук ваты пальцами. Часто это помогало успокоиться и перевести разговор в другое русло.

– А когда мы пересядем за стол с йогуртами? – боязливо вытащил Гус новый вопрос.

– А чем тебе каша с яйцами не нравится? – впервые подал голос Хвостатый.

– Ты надоел нам! Всю дисциплину в палате портишь! –

огрызнулся Длинноносый, тыча забинтованным пальцем в Хвостатого. – Сам уже много лет на первом уровне сидишь и остальным рейтинг зарубаешь!

– Какая разница, что есть! Всё равно в одно превращается, когда из тебя выходит! – продолжал напирать Хвостатый. – Ты что, йогурт видел другим цветом на выходе?

– А где надо смотреть? – непонимающе спросил Гус, на всякий случай пощупав вату.

Сотрапезники прекратили есть и уставились на Гуса.

– Два ненормальных в нашей палате – это очень много! – возмутился Оттопыренные уши.

– Так мы до икры с шампанским никогда не доберёмся! – расстроился Длинноносый.

– Простите, – впервые в своей жизни произнес это слово Гус, оглядев своих сотрапезников.

Уткнувшись в тарелку и доедая кашу, он снова почувствовал спиной пронизывающий взгляд. Догадываясь, что это Горбун, Гус обернулся. Ещё ни разу он не видел его так близко. Чувство страха и беспокойства смешалось с интересом.

– Кто это? – спросил Гус у своих соседей по палате.

– Это местный, Горбун, самый странный из всех нас! – коротко определил Длинноносый.

– Никто не знает, почему он здесь! Он ни с кем не общается – добавил Оттопыренные уши.

– Я пытался поговорить с ним! – сказал Хвостатый! – В ответ получил лишь злобное шипение. Ненормальный, од-

ним словом.

Реплики соседей ещё больше озадачили Гуса.

Ежедневные прогулки в Доме Станных Людей Гус особенно ценил. Запреты отсутствовали, регламент позволял всем контактировать со всеми. По мнению докторов, свободное общение между странными людьми всех уровней ускорило выздоровление.

Гус жадно ловил каждое мгновение. Запах цветущих кустарников пьянил его, унося по тропинкам к дубовой роще. Там он крал редкие минуты единения с природой, когда на время исчезал из зоны видимости дежурных санитаров. Постояв немного у деревьев, он нёсся обратно к людям.

Возле аккуратно подстриженных газонов и чистых дорожек с редкими лавочками неизменно стояли многочисленные яркие баннеры, всё также призывающие к гонке Достижений. Но под ними разыгрывалась иная жизнь, не та, которую уже видел Гус в Песочном районе Аскерии. Прогулка тонула в вязком, тягучем времени жизни местных обитателей, обволакивавшем любое действие неторопливостью и размеренностью. Карманы пижам не были обременены гаверфонами, которые странные под любым предлогом отказывались носить с собой, нарочно оставляя их в палатах, столовой и туалетах или забывая зарядить. Тишину нарушало лишь пение птиц и тихие разговоры. Все имели один общий статус – статус странных людей, что ещё сильнее сближало их друг с другом. Поймав взгляд незнакомца, Гус мог запро-

сто поговорить с ним. Он жадно впитывал истории странных людей, всё больше узнавая о жизни в Аскерии.

Однажды, на прогулке, когда он уединился в дубовой роще, сзади послышалось хриплое шипение. Гус обернулся. В метре от него тяжело дышал Горбун.

– Не бойся! Я страшен, я чудовище... Но не опасен для тебя.

– Я не боюсь! – ответил Гус, сдерживая волнение и страх.

– Ты другой! Я за тобой давно наблюдаю! Ты не похож на них! – срывающимся голосом проговорил Горбун. – Я должен поведать тебе свою тайну, – перешёл он на шёпот.

– Тайну?

Двое санитаров показались в начале дубовой аллеи.

– Не сегодня, – прохрипел Горбун, хватая Гуса за рукав.

Гусь пропал! Салли тяжело дышала, облокотившись о дверь сарая. Несколько минут назад соседка сообщила ей главную новость Аскерии: все ищут говорящего гуся. Салли преодолела расстояние от дома соседки до сарая за считанные секунды. Так быстро женщина ещё никогда не бегала. Пятый гусь из сарая исчез.

– Вот, дуралей, упустил гуся, упустил такие гаверы! – шевелила пересохшими от волнения губами женщина.

Салли не сомневалась, что это был именно тот гусь. Но ей никто не верил. Она кричала, истерила, негодовала, встречая многочисленные комиссии, проверявшие её сарай. Конечно, она сама не слышала, как он говорил, но разве это имело значение. Гаверы! Гаверы безвозвратно упущены!

– Он жил у нас! Он просто сбежал! Ищите его рядом с моим сараем, пойдёмте искать вместе! – убеждала Салли проверяющих.

– Много вас таких! Все кричат, что именно у них говорящий гусь! Но никто не может предъявить никаких доказательств! – ворчали члены комиссий, уходя ни с чем.

Жизнь Хониха стала невыносимой. Напряжение не прекращалось даже ночью. Несколько раз жена во сне хватала его за руку с криком: «Держи гуся, Хоних! Хватай его!» Он

чаще стал уходить из дома, переделав все дела, убегал в лес. Там он ощущал покой, наслаждался жизнью. Самое главное, в лесу никто и никогда не требовал от него гаверов. Лес позволял Хониху расслабиться.

Утро нового дня началось привычным скандалом. Подгоревшая каша распространяла неприятные запахи по всему дому. Однако это только раззадоривало Салли.

– Из-за тебя каша пригорела! Сдали бы этого гуся, получили бы кучу гаверов и купили бы нормальный дом! – распекала Хониха жена.

Столько шума из-за какого-то гуся. Все как с ума посходили. Он догадывался, что голый человек в сарае, возможно, связан с этой историей, но предпочитал никому об этом не рассказывать, тем более жене. Свет, исходивший от него, искрился надеждой. Что-то чистое, открытое и искреннее играло свежими красками в этом молодом стройном белокуром мужчине. Он был другой, не похожий на всех остальных аскерийцев. Как младенец, только родившийся на свет и еще не попавший под каток общественных установок.

Хоних с Салли не имели детей. В Аскерии дети являлись таким же Достижением, как и всё остальное. Лозунги «Роди двух сыновей – повысь рейтинг поскорей!», «Три дочки – в карточку Достижений строчки!» побуждали аскерийцев размножаться ради Достижений. Но на Достижения требовались гаверы, которых у Салли с Хонихом всегда не хватало.

Хоних не знал, что такое отцовство, но странное чувство

связи с этим молодым человеком не оставляло его до сих пор. Он даже гордился тем, что дал ему имя. В тайне Хоних надеялся, что Гус находится в безопасности, но с тревогой ждал любых известий о нём.

Офицер Борни поднялся по ступенькам дома на окраине Аскерии. Взявшись за ручку, он застыл, услышав разговор, доносящийся из-за двери.

– Это ведь ты подобрал того гуся! Ты принёс его в наш сарай! Только подумать, у нас в сарае ночевал говорящий гусь! – женский голос разлетался осколками сожаления.

– Говорящий, не говорящий, а глаза у него человеческие, – едва слышно пробормотал мужчина.

Человеческие глаза! Борни понял, что он у цели. Дверь в кухню открылась. Оба собеседника резко обернулись.

– Офицер СЗА Борни, – представился гость. – Вы только, что упомянули о говорящем гусе. Так он у вас?

Салли подобралась и, выпятив грудь вперед, подскочила к Борни.

– У нас, у нас! Вчера говорил, сегодня молчит. Я сама хотела к вам бежать! – быстро сообразив, затараторила она. – Нам полагается вознаграждение!

– Где гусь? – отчеканил Борни.

– Он в сарае! Идёмте скорее! Я его покажу, – Салли трепетала от возбуждения, выталкивая офицера из дома.

Хоних плёлся следом, с удивлением глядя на жену и мало представляя, чем это может кончиться.

Заскочив в сарай первой, Салли истошно закричала. Борни схватился за кобуру с пистолетом. Хоних рванулся вперед, опережая офицера.

На полу сарая лежала мёртвая птица. Салли подскочила к гусю и, тиская мёртвую тушу, зарыдала.

– Родненький! Ещё вчера мы разговаривали! Как же так? За что? – причитала она. – Смотрите, офицер, это он! Тот самый говорящий гусь!

Подняв мёртвого гуся за тощую шею, женщина начал пихать его в лицо Борни.

– Посмотрите же! У него человеческие глаза! Это он, уверяю вас! Что же теперь делать-то? – оттесняя Борни к стенке сарая, завопила она.

Борни отшатнулся. Ну и новости. Что же он теперь предъявит Рэйфу? Да и тот ли это гусь? Хотя сама идея сдохшего гуся ему нравилась больше, чем продолжение глупых поисков. Нет Гуся – нет проблемы. Решительно вытащив гаверофон из кармана, он набрал номер Рэйфа.

– Я нашел говорящего гуся! Он сдох, – доложил Борни. На том конце связи повисло молчание.

Короткие встречи Гуса и Горбуна в дубовой роще стали регулярными. Промозглая поздняя осень сыпала первыми несмелыми снежинками, таявшими под ногами на прелых опавших листьях. Два странных человека, совершенно разные и нелепо смотревшиеся вместе, прячась от посторонних глаз, сливались с этим островком естества. Всё больше сближаясь, узнавали друг друга. Законы природы не подчинялись ни гаверам, ни Достижениям. Они существовали независимо от придуманных систем. Из рассказов Горбуна перед Гусом открывалась иная сторона жизни Аскерии. Каждый день он подводил его к главному открытию – своей тайне.

Я родился не сказать что в счастливой, но в очень благополучной семье. Мой отец сделал прекрасную карьеру финансиста, работая в Главном Гаверодеме Аскерии. Трагедия моего рождения быстро поутихла. Родители поняли, что мой физический недостаток будет с лихвой компенсирован незаурядным умом. К трём годам я научился читать и считать. В пять лет перед моим упорством пала царица всех наук – математика. Родители хвастались мной, когда я в уме складывал, множил трёхзначные числа.

– У нас гений в семье! – восклицал отец. – Я убеждён, что дети должны достичь большего, чем родители, перерастить их.

Он станет Главным Аскерийским Финансистом.

Матери велели оставаться дома, заниматься воспитанием детей. Появление моей младшей сестры стало второй попыткой отца и матери родить физически полноценного ребёнка. Маленькое, очаровательное чудо с двумя большими белыми бантиками явилось настоящим спасением для семьи. Она завораживала! Её красота ещё больше выпячивала моё уродство. Лишь одиночество на мгновение позволяло мне не сравнивать себя ни с кем. Запираясь в своей комнате, я становился её узником и в то же время освобождался от чужой жалости и отвращения.

Просторное помещение выходило окнами в сад. В раскрытое окно пытались заглянуть пушистые шапки лип. По утрам их запах наполнял комнату и тонко щекотал ноздри, заставляя пробудиться ото сна. Прозрачные шторы цвета топленого молока подрагивали от ветра. Разноцветные игрушечные кубики, конусы, шары и другие геометрические фигуры стояли на полках, стульях, на полу, высились в центре комнаты в виде причудливых башенок и замков. Цифры находились повсюду: на постельном белье и обоях, деревянных прямоугольниках лото, многочисленных красочных книжках и в виде отдельно лежавших пластмассовых изваяний в большой синей коробке. Даже колючий кактус, скромно занимавший своё место на подоконнике, согнулся в виде зеленой шипастой двойки. И только добротный буковый стол был девственно чист. На нём аккуратной стопочкой рас-

полагались тетради для занятий и подточенные цветные карандаши в стаканчике.

Погружаясь в этот яркий мир, я растворялся в нём целиком, забывая о том, кто я есть.

В нашем доме часто устраивали приемы гостей. Отец, как это принято в Золотом районе Аскерии, любил хвалиться своими Достижениями перед многочисленными гостями. Меня усаживали на специально сделанное маленькое креслице, выносили на середину зала и заставляли решать сложные математические задачи в уме. Я никогда не ошибался, срывая восторженные аплодисменты гостей. Они хлопали, отводя глаза в сторону.

Часто у отца бывала женщина с высокой прической, в маленьких прямоугольных очках с золотой оправой. Она хлопала громче всех, но смотрела презрительно и свысока.

– Никогда не думала, что такой ум может сочетаться с такой омерзительностью, – наклонившись к своему мужу, шёпотом, который показался мне громом среди ясного неба, произнесла она.

Всю ночь я пытался спрятаться от этих слов, они меня душили, раздирали, приговаривая к безысходности. Впервые я ощутил силу слов, а не цифр. Цепляясь закорючками за логичные правила, цифры оставались моими единственными друзьями, которые не могли предать. Люди навешивали на других ярлыки, как ценники на выставленную на продажу вещь. Убивали не цифры, убивали слова!

Слова-убийцы рождали во мне ненависть. Зеркала! После этой кошмарной ночи я перебил в доме все зеркальные поверхности, в которых отпечатывалось моё уродство. Это не принесло облегчения. Рассыпавшись на окровавленные осколки, мои отражения множились и смеялись надо мной.

Прижавшись к матери, я долго плакал. Её глаза смотрели печально и задумчиво. Крепко обнимая, и слегка покачивая, она успокаивала меня.

– Я люблю тебя, сынок. Ты особенный, не такой как все, – она гладила мой горб и мягким тихим голосом шептала. – Знаешь, что там? Там растут твои крылья. Крылья твоей души. Доверься им. Делай то, что у тебя хорошо получается. Поверь, наступит время, и ты расправишь свои крылья и высоко взлетишь!

Я услышал слова-надежды. Натянув их как снегоступы, я постепенно выкарабкивался из ущелья, вырубленного словами-убийцами. С этого дня мои занятия математикой приобрели характер остервенения.

Я стал единственным аскерийцем, закончившим Климадост за семь лет вместо десяти. Теперь уже я смеялся над своими одноклассниками, не просто опережая их по всем предметам, а издевательски создавая интеллектуальную пропасть между нами. Великий Аскерийский Климадост запомнился мне восхищёнными, но завистливыми взглядами преподавателей, многие из которых понимали превосходство горбатого студента над ними. Крылья успеха несли меня вперёд, но

всё больше отдаляли от людей. Умственное первенство лишь подтверждало многочисленные фразы отца, которые я впитывал с раннего детства.

– Стремись к вершинам! Но помни, там, на самом верху, ты всегда будешь один. Судьба первого – одиночество, – пытаясь превратить мой физический недостаток в необходимое условие для Достижения, повторял отец.

Мне нравились многие женщины, но их постоянно отворачивающиеся лица не оставляли шанса на построение отношений. Я топил свою нераскрывшуюся любовь в математике, заглушая её цифрами и уравнениями.

Моя карьера развивалась стремительно. Сразу после окончания Великого Аскерийского Климадоста меня пригласили работать младшим специалистом в Гаверодом. Я поражал начальство быстротой действий и мысли. Любые, даже самые сложные задачи получали решение. Я шагал по карьерной лестнице, переступая через две, а то и три ступени. В рейтинге Достижений намечались рекордные для Аскерии показатели, а мой личный баланс рос с каждым днём.

Предсказание отца начало сбываться – вскоре мне предложили стать Главным Аскерийским Финансистом. Я хорошо помню тот вечер, когда сам Мистер Гавер прислал мне электронное письмо на гаверофон:

«Оценивая заслуги перед Аскерией и отдавая должное незаурядному финансовому таланту, предлагаю вам стать Главным Аскерийским Финансистом».

Я летал по комнате, семья ликовала. Мечта стала реальностью. Я ярко представлял себе свою миссию. В моей голове бурлили и сталкивались идеи. Я хотел изменить жизнь Аскерии к лучшему. Математика должна прийти на службу людям. За первые дни я разработал более десятка предложений по оптимизации финансовой системы Аскерии. Отправляя их в электронном виде в адрес Мистера Гавера, я ожидал ответа. Настанет тот день, когда Главный Аскериец вызовет меня к себе чтобы обсудить их. Десятки раз я представлял себе эту встречу. Я мечтал увидеть Мистера Гавера. Проходили недели, месяцы без ответов. Главный Аскериец молчал. Однажды меня пригласил к себе глава Службы Защиты Аскерии Рэйф.

Он стоял спиной ко мне, когда я вошёл в его кабинет. Резко обернувшись, он предложил мне присесть, сам продолжая нервно ходить по кабинету.

– Мистер Гавер просил меня поговорить с вами! – начал глава СЗА. – Вы прекрасный математик, гениальный специалист, но ЗДЕСЬ, в ЭТОЙ должности речь идёт об исполнении указаний Мистера Гавера.

– А что конкретно надо исполнять? – не понял я.

Рэйф остановился, просверлил меня взглядом, не отводя его ни на секунду. Глава СЗА присел напротив.

– Вы что, действительно так и не поняли, в чем состоит система Мистера Гавера?

– Я привык разговаривать языком цифр. Я математик.

Рэйф встал, отошёл к окну, закурил.

– Раз вы математик, то должны понять, что финансы – это главный инструмент управления людьми в Аскерии.

Рэйф достал из стола банкноту с изображением Мистера Гавера.

– Эта бумажка управляет ВСЕМ в Аскерии! Это понятно?

– Я не спорю!

– Так и считайте эти бумажки, не лезьте со своими предложениями к Мистеру Гаверу.

– Но ведь жизнь аскерийцев можно сделать лучше!

Рэйф смял сигару в пепельнице, превратив её в грудку отжившего своё материала.

– Всего доброго, продолжайте свою непосредственную работу, – проговорил он, заканчивая разговор.

Последующие после встречи с Рэйфом дни я болел. Впервые стало очевидно, что вершина, упоминаемая отцом, оказалась не тем местом, о котором мечталось. Суть системы Мистера Гавера оставалась мне непонятной. Не прописанная ни в одном документе, она пропитала всю Аскерию, управляла ВСЕМ, не будучи озвученной. Она доставала из самых глубин человека его комплексы и тайные желания и цинично использовала их, делая поведение большинства легко прогнозируемым. Я пытался говорить об этом со многими людьми, меня никто не понимал.

Миссия оказалось не миссией, я ни на что не мог влиять. Мой мозг пульсировал, готовый к решению задач, но они от-

существовали. Достигнув всего, поднявшись на неприступную для большинства высоту, я оказался близок к профессиональному краху. Привлекательная картинка Аскерии рухнула как картонный домик, рассыпавшись под словами Рэйфа. Я пал жертвой глобальной иллюзии. А теперь и от меня хотели получить исполнительность в копировании множества иллюзий под прикрытием гаверов. Заблуждался не только я, но и все жители Аскерии.

Последней надеждой оставалась встреча с Мистером Гавером. Я хотел с ним поговорить. Это стало навязчивой идеей. Пробриться к нему лично не представлялось никакой возможности. Ум математика наконец-то увидел задачу. Через некоторое время мне удалось разрушить сложные системы защиты и вычислить рабочее место Мистера Гавера, откуда посылались сообщения на служебные гаверофоны.

В то утро шёл снег, островки замёрзших лужиц, ухмыляясь, смотрели на меня расцарапанным морозом узором. Я заметно нервничал. Решать математические задачи оказалось куда легче, чем планировать несанкционированное проникновение в кабинет Главного Аскерийца. Несколько раз я останавливался, смотрел на редкие пролетающие по небу клаеры. Холодный ветер пробирался за воротник. Нужно действовать. Я должен лично ему рассказать. Он поймёт.

Из освещенных витрин магазинов меня провожали пустыми неподвижными взглядами манекены. Упакованные в праздничную блестящую бумагу товары призывно выгляды-

вали из-под ценников. Цифры... Теперь они не казались мне безобидными. Цифровая лихорадка под названием гаверомания опутывала аскерийцев, потуже затягивая узлы несвободы. При этих мыслях все привилегии Золотого района превращались в дешёвую мишуру.

Я шёл, привычно таща свой горб, но с каждым шагом он становился тяжелее, придавливая меня к земле. Богатые дома и кричащие баннерами и огнями рекламы улиц остались позади.

Ветер усилился. Кутаясь в пальто, я продолжал пробираться к намеченной цели. Строящиеся дома и пустыри сменяли друг друга. Наконец, я нашёл его. Невысокое здание из красного кирпича ничем не выделялось среди куч строительного мусора и редких, еще не вырубленных деревьев.

Никаких вывесок. С гулко колотящимся сердцем я достал запрограммированный пластик и приставил его к запертой двери. Сработало. Холл оказался небольшим, пахло затхлостью. Я снял запотевшие очки и размял замерзшие пальцы.

Расстегнув пальто, я огляделся. Справа у стенки громоздился большой пыльный диван. Повсюду стояли горшки и кадки с искусственными цветами. Гигантский аквариум от пола до потолка занимал левую часть помещения. Я подошёл ближе. Ни одной рыбины, ни одного живого существа. Водоросли и коряги уныло застыли в неподвижной мутной воде. Мертвечиной и заброшенностью отдавал каждый предмет.

«Неужели ошибся?» – думал я. Мистер Гавер и запущенное помещение никак не связывались в моей голове. Ум лихорадочно работал, ища объяснение.

В углу зияла чернотой лестница, призывно маня и одновременно пугая. Осторожно ступая по ступеням, я стал подниматься, тревожа слежавшуюся пыль. В тёмном закутке второго этажа меня встретила тяжелая металлическая дверь. Синий свет сочился в узкую щель. Я закашлялся, вытащил баллончик. Мне не хватало воздуха. Переждав приступ, я решился войти. В пустой комнате без окон одиноко мигал бегающими цифрами огромный монитор. Потрясённо я стоял и смотрел на него. Это и есть Мистер Гавер? Система проводов и программ? Машина, безжалостно управляющая Аскерией? Но кто? Кто придумал эту систему? Кто за этим стоит?

Мои размышления прервал шум на первом этаже. Несколько пар ног быстро и шумно поднимались по лестнице. Служба Защиты Аскерии чётко выполняла свою работу. Беседа с разгневанным Рэйфом ничего не прояснила. Я стал опасен для системы, и она меня исторгла, объявив странным, изолировала от правильных, слепо подчиняющихся людей. С этого момента моим пристанищем стал Дом.

Он снял очки. Его глаза вспыхнули болью, но при этом твердо и пристально смотрели на Гуса.

– Так что, Мистер Гавер не существует? – переваривая информацию, спросил Гус.

– Мистер Гавер сидит в наших головах, в каждом из нас, вдавливая свою систему, ставя шум наших мыслей под свой контроль.

Гус нервно теребил вату в своём кармане.

– Я рассказал тебе свою историю потому, что ты не потерял себя, пока ты ещё человек! А они...

– А они кто? – удивился Гус.

– Они – говорящие вещи, они продали себя за гаверы, забыв свою суть! – Горбун схватил Гуса за рукав. – Не следуй за ними!

– А как же Достижения? Нам говорят, что они делают людей счастливыми.

Горбун хрипло расхохотался, закашлялся, сплюнув в сторону сгусток мокроты.

– Ты правда веришь в эту чушь? Только сам человек может сделать себя счастливым.

Мысли Гуса заметались. Откуда-то из глубины сознания вынырнули забытые ощущения.

– Здесь хорошо промывают мозги! – продолжил Горбун. – Ты хочешь узнать, зачем всё это делается?

– Я запутался.

– Тебя запутали! Пойми, ты нужен им как товар! Они без твоего ведома разменивают тебя. Ты им – себя, а они тебе – право быть среди них, играть в эту игру Достижений.

– Это что, не всерьёз, это игра?

– Это больше, чем игра. Это коллективный сон. Проснуться значит исключить зависимость от Достижений.

Две Аскерии столкнулись в голове Гуса. Одна являла собой яркую глянцевую картинку всеобщего счастья в погоне за Достижениями. Лакированная системой Мистера Гавера, жизнь становилась непрекращающимся соревнованием, результаты которого отражали рейтинг и баланс. Другая представлялась жутким коллективным сном, где человек становился вещью, послушным исполнителем, добровольно отдавшим себя во власть системы.

На большом круглом столе для совещаний Главы Службы Защиты Аскерии лежал мертвый гусь. Рэйф молча обошёл несколько раз вокруг стола, словно убеждаясь в безжизненности птицы. Борни стоял рядом, внимательно следя за перемещениями своего шефа.

– А где гарантии, что сдох говорящий гусь? Тот самый гусь, которого искали? – прервал молчание Рэйф.

– Никаких гарантий, – спокойно ответил Борни. – Я с ним не разговаривал, живым его не видел. Есть только свидетельские показания жительницы Земляного района Салли.

– Так почему же вы так легко поверили в них?

– Потому что нам это выгодно!

Рэйф одарил Борни удивленным взглядом, пытаясь понять идею своего подчиненного. Он не помнил случаев, чтобы Борни говорил ерунду.

– Поясните! – сухо потребовал глава СЗА.

Борни утвердительно кивнул, убеждаясь в том, что именно сейчас настало время изложить суть дела. Он хорошо знал своего шефа и привык делать паузы перед важными частями своего доклада. Опыт их общения показывал, что доложенная с порога информация редко имела успех. Рэйф был не быстр в своих мыслительных процессах, но основателен,

умел ценить хорошие идеи.

– Поиски говорящего гуся затянулись, – неторопливо начал Борни. – Удалось напасть на его след, прочесать весь этот район. Результаты отсутствовали.

Борни сделал паузу, дожидаясь одобрения со стороны шефа. Рэйф кивнул.

– Шансы на то, что мы найдём его там, минимальны. Вероятно, он либо уже улетел, либо действительно сдох, – осторожно предположил Борни.

– В первом случае у нас нет никаких доказательств, никто не видел говорящего гуся улетающим. Во втором случае есть свидетельница.

– И? Что предлагаете? – торопился Рэйф.

– Предлагаю объявить говорящего гуся мёртвым и закрыть дело! – на одном дыхании выдал Борни, встречаясь глазами с начальником.

– А если объявится настоящий говорящий гусь? – принимая «глаза в глаза», спросил Рэйф.

– Сделать его таким же неговорящим, как этого! – Борни указал на гуся, лежащего на столе.

Рэйф задумался, молча подошёл к окну, повернувшись к Борни спиной. Идея ему нравилась. Однако сотрудник СЗА изложил её слишком грубо. Аскерийцам она может не понравиться, не говоря уже о Мистере Гавере. Необходимо дать этой идее хорошую огранку, заключить её в правильную словесную оправу.

– Спасибо, Борни! – не оборачиваясь, проговорил Рэйф. – Усопшего гуся – в холодильник. Вы можете быть свободны.

Борни исчез с телом гуся так же неслышно, как и появился. Рэйф быстро набрал на гаверофоне чей-то короткий номер.

– Сурри! Вы мне нужны прямо сейчас! Есть такая возможность?

В ответ Рэйф услышал согласие собеседника прибыть к нему через тридцать минут.

В ожидании гостя глава СЗА налил себе очередную чашку чая, положив в неё полную ложку засахарившегося мёда. Растворяя сладкие сахаринки пчелиного продукта в горячей жидкости, Рэйф усмехнулся. Вероятно, сейчас Сурри – министр информации Аскерии, предложит ему то же самое сделать с гусиной историей. Сурри умел мастерски смешивать, запутывать, растворять и, как он профессионально выражался, перекодировать информацию.

– Любая информация несёт свой код восприятия! – говорил министр. – Ваши личные коды восприятия, коды масс, толпы – разные. Даже жители различных районов Аскерии имеют отличия в кодах восприятия. Информация как по-настоящему вкусное блюдо должно готовиться с учетом адресата. Буквы необходимо сложить в слова, а слова в предложения таким образом, чтобы мозг проглотил информацию как свою, родную. Отправитель информации реализует свою цель, а получатель её гармонично принимает. Это и есть код.

Мы, Сурри обводил пальцем себя и Рэйфа, готовим код информации, упаковываем его, а наши гаверофоны в роли официанта выносят её в зал, где жадный до чужих мыслей народ уже ждёт новостей.

– А спросить у Мистера Гавера? – уточнял Рэйф.

– Нет необходимости! – утверждал Сурри. – Мистер Гавер управляет процессами, а управлять кодами наша задача. Каждый должен заниматься своим делом.

Однажды, когда Рэйф и Сурри как-то остались одни, глава СЗА не утерпел и задал ему тот вопрос, который давно волновал его.

– А вы когда-нибудь видели Мистера Гавера? Разговаривали с ним?

– Нет! – спокойно, чуть улыбаясь, ответил министр. – Я даже задачи такой никогда не ставил. Система, которую он построил, идеальна. Это вершина управления человеком.

Рэйф поморщился.

– Поймите, Рэйф! Мистеру Гаверу уже не надо лично быть везде самому. Он есть самый правильно сформулированный информационный код Аскерии, – наклоняясь к самому уху Рэйфа, прошептал Сурри.

– Мистер Гавер – информационный код? – вопросительно растягивая слова, проговорил глава СЗА.

В ответ Сурри, поддерживая любимую игру Рэйфа «глаза в глаза», несколько раз опустил и поднял свои ресницы, видимо подтверждая его версию. Рэйф всегда помнил этот

разговор, периодически в мыслях возвращаясь к нему.

В кабинет главы СЗА вошел Сурри. Высокий, стройный брюнет с идеально подстриженной шевелюрой, предстал перед Рэйфом. Редкая седина уже начала пробиваться в волосах министра информации. Сшитый по заказу строгий тёмно-синий костюм из мягкой шерстяной ткани подчёркивал его фигуру. Воротник классической белой рубашки захватывал с двух сторон на загляденье связанный узел неброского, но дорогого синего галстука из шёлка высшей марки. Начищенные до отражающего блеска туфли завершали сладкий вид министра.

– Рэйф! – радостно приветствовал Сурри. – Не поверишь, но наши с тобой энергетические частоты совпадают. – Я как раз думал о тебе, и тут – звонок на гаверофон. Поистине, мысли материальны!

Сурри заразительно улыбнулся. Губы Рэйфа бессознательно растянулись в ответной полуулыбке. Он редко мог противостоять этому демону обаяния.

– Кодировешь информацию, чтобы расположить меня к себе? – саркастически зацепил он Сурри.

– Да! А что в этом плохого? – парировал он. – Атмосфера всегда должна быть тёплой и дружелюбной. Тем более с таким приятным во всех отношениях человеком, как ты.

– Ладно, давай к делу, – отрезал Рэйф, подводя мысленную черту затянувшейся прелюдии.

– К делу! – решительно, без приглашения Сурри занял

место за столом, где ранее лежал мертвый гусь.

– История с говорящим гусем приняла новый оборот! – начал Рэйф.

– Прости, но прерву! – остановил его Сурри. – Этот новый оборот придал ей ты? Постарайся передать мне события в чистом виде, не мешая их с версиями своих агентов и твоими мыслями. Мне необходимы факты, хронология, но не информация, пропущенная через коллективный мозг СЗА.

– Хорошо, – недовольно поёжившись, ответил Рэйф, начиная излагать историю.

Сурри умел слушать. Он кивал, восклицал, играл лицом, успевая при этом делать пометки в своём гаверофоне.

– Могу я задать вопросы? – уточнил министр информации, когда Рэйф закончил.

– Спрашивай!

– Скажи, сколько человек видели говорящего гуся живым и здоровым?

– Трое!

– Какая хорошая цифра! А кто эти счастливцы?

– Учёный Керси, благодаря которому он и заговорил. Его научный коллега профессор Дайлон, которого допросил с пристрастием мой агент Борни. А также Салли, в сарае которой его и нашли.

– Милые люди! Всего три человека. А, с твоей точки зрения, они это смогут публично подтвердить?

– Думаю, да, но, возможно, на них придётся немного под-

нажать!

– Нет! Что ты! Они же наше Аскерийское всё! Они – герои!

Сурри вскочил и нервно заходил по кабинету, разминая пальцы рук.

– Рэйф! Это же великолепно, мы его похороним с почестями! Аскерия будет коллективно плакать. Людям необходимы сильные эмоции как со знаком плюс, так и со знаком минус. А что может быть качественнее эмоций скорби, утраты, потери. На этом фоне любая жизнь в Аскерии покажется просто мёдом.

– А если найдется настоящий говорящий гусь? Если он не сдох?

– Правда всегда одна! Двух правд не бывает. Гусь умер, Аскерия скорбит, траур поглощает всё. Это правила, которые всех устраивают! Более того, видевшие и слышавшие гуся говорящим, возглавляют этот процесс.

– Но правда может оказаться другой – гусь жив! – категорично заявил Рэйф.

– Нееееет..., – замычал указательным пальцем возбуждённый Сурри. – Правда – это не есть факт, правда – это убеждение в головах людей. При правильно сформированной правде другая правда будет травматичной для них.

Рэйф бросил удивленный взгляд на Сурри.

– Да, да, да! – взвился министр. – Люди скорбели, плакали, были убеждены, что он мёртв, а тут оказывается, что гусь

жив. Стресс! Их мозги не могут так быстро переключаться с «мертв» на «жив». Эту новость заблокирует мозг, гораздо комфортней продолжать думать по-старому.

Сурри приблизился к столу и, облокотившись на руки, оказался лицом к лицу с главой СЗА.

– Пойми ты простую вещь! Правда – это правилам «да».

– А кто устанавливает эти правила?

– Тот, кто прав! – вскинул вверх руки Сурри. – Все думают, что жизнь и управление людьми подчиняется сложным законам.

– В любом случае это – система! – попробовал высказать свою позицию Рэйф.

– Да нет никаких систем! – скрестив руки на груди, победно произнёс Сурри. – Следи за моей мыслью.

Министр вернулся за стол, сел прямо напротив Рэйфа.

– Я – прав! В любых вопросах это моё внутреннее убеждение. Я на основании своей правоты устанавливаю правила, провозглашая их правдой, не сомневаясь ни в чём.

– Не факт, что люди начнут эти правила соблюдать! – парировал Рэйф.

– Факт! Девяносто девять процентов людей всегда сомневаются в своих силах, возможностях, мнениях, позициях, они ищут один процент тех, кому подчиниться. На этой математике построен весь мир. Большинство будет всегда, слышишь, всегда подчиняться меньшинству по одной причине: они не возьмут на себя право быть правыми.

Сурри победно смотрел на Рэйфа, зрачки которого расширились в попытке осознать слова министра информации.

– Но, фактически, на месте правды – иллюзия, грамотно сформированная информация, но – иллюзия? – сделал вывод Рейф.

– Ты догадливый! Ты всё понял. Иллюзия слаще правды, потому что она сформирована с учетом всех нюансов восприятия информации. Я знаю, как они думают, и я начинаю управлять этим! – щёлкнул пальцами Сурри. – Люди привыкли к комфорту, а над правдой надо думать. Кто сейчас думает? Не смей меня! Это единицы, да и тех ты поместил в Дом Станных Людей. Остальные предпочтут комфортные мысли голой и неотёсанной правде.

– Ты хочешь сказать, что удастся убедить людей в том, что гусь умер? А если даже всё сложится по-другому, они в это уже не поверят?

– Поверят! Кто-то не поверит, но замолчит, не каждый же сможет сопротивляться мнению большинства. Толпа правит Аскерией, а мы – толпой.

– А если не поверит кто-то из того самого одного процента, который прав. «Я – прав» на «я – прав»!

– О, интереснейшая ситуация, – Сурри потер гладко выбритый подбородок. – Я не исключаю, что когда-то он должен появиться, этот «Я – прав» из одного процента.

– А мы его в Дом Станных Людей! – подхватил его мысль Рэйф.

– Не-а, – задумчиво проговорил Сурри. – Не пройдет этот номер с ним.

– Почему? – Рэйф выкатил глаза. – Горбуна же нейтрализовали, помнишь?

– Горбун был зол, он искал ответы на свои вопросы. А тот, кто прав, тот, кто из одного процента, он приходит давать ответы. Он не ищет – он знает. Он не спрашивает – он отвечает.

– Это угроза для системы?

– Не думаю, но это проблема, с которой рано или поздно можем столкнуться.

– Получается, он и несёт настоящую правду, дестабилизирующую всё управление, рушащую прежний порядок?

– Наверное! – Сурри облокотился о свои руки, задумавшись. – Но в этой ситуации всё просто. Одна правда меняется на другую, а система продолжает существовать дальше. Правда – это ресурс для управления людьми, и те, кто прав, всегда договорятся, как его поделить между собой.

– Ладно! Что-то мы отвлеклись! – спохватился Рэйф. – Одним словом, ты поддерживаешь идею похорон гуся?

– Да! Это будут великие аскерийские похороны, грандиозная скорбь, настоящий траур. Я сделаю всё, как надо! Согласую с Мистером Гавером! Но ты должен обеспечить безопасность!

– Возможны неприятные ситуации?

– Не думаю, ты же помнишь, что уже несколько лет мы не

применяем оружие, не прибегаем к насилию, мы управляем мягко и интеллигентно!

– Да, – рассмеялся Рэйф. – Мой пистолет уже, наверное, заржавел.

– Вот и хорошо! Глядишь, и не понадобится снимать ржавчину с оружия! – улыбаясь, поддержал его Сурри.

Едкий запах гари разбудил Гуса. В небольшую щёлку между полом и дверью проникали струйки дыма. Гус вскочил с кровати и распахнул окно своей палаты на пятом этаже Дома Странных Людей, высовываясь наружу. Клубы дыма вырывались из нижних этажей. Окна многих палат были открыты. Люди в панике метались в помещении, многие уже пытались в спешке спускаться вниз. Первые и вторые этажи в правом крыле здания отдельными участками охватил огонь. Темный двор Дома наполнился криками, стонами. Вспыхивающий то тут, то там огонь высвечивал хаотично бегающих людей. Несколько человек в болях корчились на земле, видимо, неудачно выпрыгнув из окон. В темном углу двора, почти рядом с забором, кто-то катался по траве, изрыгая проклятия.

– Что случилось? – просыпаясь, вскрикнул Длинноносый. Хвостатый решительно бросился к двери и распахнул её. Снопы дыма ворвались в палату.

– Пожар! – выкрикнул, закашливаясь, Хвостатый. – Надо быстрее прорваться на лестницу, может, ещё успеем.

Одевая на ходу пижамы, все выбежали в коридор, уже переполненный другими пациентами. Расталкивая всех, Хвостатый нёсся вперед к лестничному проёму. В этот момент в

конец коридора дым окрасился огненными пламенем, стремительно вырываясь навстречу бегущим. Жар огня остановил толпу. Люди, наталкиваясь друг на друга, сгрудились, на момент, став единой массой человеческих тел. Хвостатый развернулся, выделился из толпы. Его красное лицо перекошилось, отражая ужас.

– Назад! – заорал он. – К запасному выходу, на ту сторону коридора.

Расталкивая людей, Хвостатый первый ринулся в указанном направлении. Толпа ошалело подчинилась его решимости и, подгоняемая вырывающимися с лестницы огненными языками, попятилась, разворачиваясь за вожаком. Дверь запасного выхода оказалась запертой.

– Сгорим! – взвыл Хвостатый, налегая на неё всем телом.

– Подожди! Давай я! – проговорил подбежавший к нему рослый и габаритный санитар.

Хвостатый уступил. Разбежавшись, санитар вынес дверь, вылетев вместе с ней на лестничный проём, полностью охваченный огнём. Не имея возможности затормозить, санитар оказался в самом пекле. Огненное пламя, получив очередную жертву, поглотило его. Он пытался встать, но огонь, охватив тело полностью, не оставлял возможности для спасения. Люди вздрогнули от бешеного крика горящего человека. Толпа на мгновение застыла, замороженная испепеляющей силой огня. Ужас приковал их ноги к полу, каждый ощущал свою беззащитность перед остервенело убивающей

всё на своём пути стихией. Треск и шум падающей сверху огненно-чёрной балки заставил людей выйти из оцепенения.

– Все по палатам! – закричал Хвостатый. – Уходим через окна.

Пациенты задвигались, сталкиваясь друг с другом, бросились в палаты. Люди ныряли в первые попадающиеся на их пути помещения, захлопывая за собой двери. Гус рванул на себя ручку ближайшей двери и, залетев в комнату, оказался лицом к лицу с Горбуном. Тот, тяжело дыша, стоял, облокотившись о подоконник.

– Вот и всё! – прохрипел он, глядя на Гуса. – Все они, – Горбун начертил круг в дымном пространстве, – не в силах противостоять огню. Какая бы мудрая система ни управляла Аскерией, но она безоружна перед стихией. Это огонь ада, который пожирает людей, обезумевших от накопительства и сумасшествия из-за гаверов. Дом превратится в факел надежды, заставит аскерийцев проснуться.

В этом кошмаре Горбун казался ещё более страшным. Свистящий кашель периодически вырывался из его груди. Гус заметил, что они в комнате одни.

– Нет! – огрызнулся Гус. – Мы уйдём через окно.

– Я не смогу спуститься по простыням, я очень тяжёлый. Но я помогу тебе, слышишь, я смогу быть хоть чем-то полезен, я смогу держать простыни, чтобы ты спасся.

– Надо не пускать огонь в комнату как можно дольше, тогда у нас будет время, – не слушал его Гус.

Он стягивал простыни с кровати и, смачивая их в раковине, навешивал на дверь, затыкая все отверстия проёма.

Горбун недвижно стоял, улыбаясь, глядя на Гуса.

– Я знал, что ты будешь действовать, когда это потребует-ся, – проговорил он.

Гус, закончив с дверью, подбежал к окну, распахивая обе створки. Огненная стихия продолжала бушевать. Стены горящего Дома были облеплены людьми, которые на самодельных верёвках спускались вниз. Радостные крики касания с землёй смешивались с воплями падений. В левом крыле Дома Гус заметил человека в пижаме, который спускался по горячей верёвке. Огонь настигал его, но тот оказался проворнее, отцепившись от верёвки в тот момент, когда пламя уже подобралось к его рукам. Тело человека ушло в темноту на уровне второго этажа. Дом тонул в огне, уже вырывавшемся из окон, лишая людей последнего шанса на выживание. Отчаявшиеся люди прыгали вниз.

– Я не брошу вас, мы вместе выберемся, – твердил Гус, придвигая вперёд шкаф, создавая новые преграды для огня.

– Я не хочу туда! Я хочу умереть свободным! Они думают, что это всё их, но они заблуждаются! Погрязли в долгах, купили себе счастье на чужие гаверы. Так и счастье получается не их. Это счастье Мистера Гавера – брызжа слюной хохотал Горбун. – А кто такой Мистер Гавер – бумажка, простая бумажка, за которой нет ничего, пустота! А они, – глаза Горбуна сверкали, выкатившись из орбит. – Рабы этих бумажек.

Плеть умерла. Оружие заржавело. Не нужно убивать, можно купить. Послушные орды, подчиняясь, будут делать всё, что угодно, только ради какой-то вонючей бумажки. Это счастье раба. А я не раб!

– У нас очень мало времени! Смысл жизни в самой жизни! Мы справимся! – крикнул Гус, бросаясь связывать простыни в верёвку и закреплять её за трубу.

Дверь палаты затрещала под натиском огня.

– Вы первый! Спускайтесь скорее! – Гус толкнул Горбуна к подоконнику.

– Нет... Я подстрахую, давай сначала ты! – Горбун твёрдо посмотрел на Гуса, не оставляя возможности возразить.

– Обещайте мне, что спуститесь! – умолял Гус.

– Обещаю... – прохрипел Горбун.

На мгновение они остановились и посмотрели друг на друга, не мигая, в полном молчании. Незримые нити, соединившие их, связались в крепкий узел, продолжая плести паутину судьбы.

Огонь поборол шкаф и ворвался в комнату. Гус рванулся к верёвке, обхватил её руками и начал скольжение вниз. Верёвка натянулась, скрипя узлами. Четвертый... третий... Один за другим этажи оставались позади. Гус посмотрел вниз. В мгновение, преодолев ещё два этажа, он повис на конце верёвки в нескольких метрах от земли. Разомкнув красные пальцы, Гус прыгнул. Не устояв на ногах, он упал, но тут же вскочил. Горбун стоял в окне, в клубах дыма, за-

дыхаясь от кашля.

– Спускайтесь! – напрягая легкие, заорал Гус.

Горбун неуклюже перевалился через подоконник в тот момент, когда языки огня вырвались из окна. Судорожно схватившись за верёвку, он грузно двинулся вниз. С крыши сорвалась горящая балка и, едва не задев Горбуна, рухнула на землю, погребя под собой покалеченных людей. Огненная смерть уверенно подхватывала и уносила с собой обитателей Дома. Пламя не щадило ничего, испепеляя всё на своём пути. Огонь заполнил окно. Простыни угрожающе затрещали. Гус от бессилия сжал кулаки. На уровне третьего этажа тело Горбуна сорвалось вместе с остатками простыни и глухо стукнулось о землю. Гус, отчаянно крича, рванулся к нему. Горбун лежал, раскинув руки, из его рта сочились слабые струйки крови. Жуткий горб, неуклюже вывернутый, казался еще более зловещим и инородным. Из-под него торчала покорёженная дужка раздавленных очков.

Гус склонился над Горбуном, жадно ловя любые его движения. Горбун приподнял тяжелеющие веки. Гудящая тишина заволочла уши. Лицо Гуса расплывалось и рассеивалось вместе с дымом. Два человека посреди пепелища в последний раз встретились глазами. Они провели вместе немного времени, но это были яркие и насыщенные часы так необходимого каждому общения. Энергия жизни Аскерии столкнулась в голове Гуса с протестной энергией Горбуна. Искры этой непримиримой схватки двух идей вызвали настоящий

пожар, не оставляя шанса на выживание ни той, ни другой. Буря огня уже уничтожила часть Аскерии, но и буря протеста тоже не выжила. Горбун хотел сказать что-то ещё, но губы уже не слушались. Тело содрогнулось в последний раз и обмякло. Едкий дым разъедал глаза Гуса. Слезы катились по щекам, рисуя дорожки на чёрном от гари лице. Прежняя жизнь утонула под слоем пепла, крови и боли, умерла вместе с Горбуном. Вокруг бушевала грозная стихия, завершая поглощение всего живого. То здесь, то там стены здания рушились. Пройдет ещё несколько часов, и огонь полностью уничтожит Дом Станных Людей. Огонь существует, пока есть чему гореть.

Пожарные машины ворвались во двор Дома, оглашая громкими sireнами намерение победить пожар. Вода из гидрантов начала своё дело, превращая пламя в обугленные предметы. Человек пытался управлять стихией огня, привлекая воду. Шипение, треск, шум падающих конструкций наполнили двор. Война за остатки стен была в самом разгаре. Война, не имеющая никакого смысла. Война, в которой ни одна из стихий уже не могла победить. Задыхаясь, Гус, собрав последние силы, встал и пошёл к дубовой роще, подальше от этого места. Один. Он шёл, не останавливаясь, слепо ища новый узел своей судьбы. Вырвавшись за пределы территории, Гус обернулся. Чёрные руины Дома Станных Людей мрачно смотрели ему вслед, провожая дымными глазами изменившегося Человека. Свобода. Вот она какая,

оказывается... Свобода от правил и установок, сторовших в пепелище. Конец, незаметно перетёкший в начало. Вытащив из кармана почерневшую вату, Гус решительно отбросил её в сторону.

Рваное осеннее небо нависало над Аскерией. Тяжёлые дождевые тучи медленно плыли по небу, давая узкие просветы солнцу, которое, не смотря на все усилия, не могло пробиться вниз. Временами казалось, что солнца и не существует вовсе. Представлялось, что мир управляется тучами, которые захватили всё пространство неба. Многие опускали голову к земле, теряя надежду на тепло и свет. Но остались ещё те, кто подставлял лицо солнцу, ловя редкие лучи. Привычка жить, не поднимая головы, передавалась из поколения в поколение. Эти люди не замечали тех, кто, несмотря ни на что, видит солнце, греется в его лучах, берёт от него энергию тепла и любви. Люди существовали рядом, но жили в разных реальностях. Одни в сумрачной и холодной, другие – в тёплой и доброй. Язык не помогал. Сообщения одних не доходили до других. Сумрачные не понимали Солнечных. Каждый отстаивал свой мир, сопротивляясь иной точке зрения. Укоренившийся порядок не мешал людям жить вместе, создавать семьи, рожать детей. Со временем Сумрачных становилось больше. Глядя на звездное небо, они учили своих детей тому, что солнечных дней мало, а ночью и вовсе господствует луна. Первое время дети ещё спрашивали родителей про солнце, а потом, не получая ответов, забывали про

него. В те дни, когда солнце всё же появлялось, они уже не замечали его. Эмоции печали побеждали эмоции радости, на место которых приходила жажда Достижений.

Весть о смерти говорящего гуся потрясла всю Аскерию. Ранним утром гаверофоны взорвались печальной новостью. Заголовки газет кричали на каждом углу о том, что говорящий гусь замолчал навсегда. Птичья смерть пришла в Аскерию. Тот, кого искали, тот, кто маячил надеждой на новую и счастливую жизнь, тот, за кого обещали вознаграждение, умер. Скорбь как дань смерти уступила место скорби как потере возможности заработать на поимке говорящего гуся. Неудавшийся коммерческий проект обернулся коллективным провалом, что позволяло переживать его всем вместе.

Аскерия погрузилась в траур, который чувствовался на каждом шагу. Улицы всех районов зачернели флагами. Электрические таблоиды вспыхивали скорбными слоганами «Плачет вся Аскерия! Плачь и ты!». Свет многочисленных прожекторов выхватывал из темноты печальные картины, размещённые на баннерах с изображением женщины в чёрном платке, стоящей на коленях, склонившись над телом умершего гуся. Из динамиков звучала похоронная мелодия, написанная местным композитором.

Траурная процессия брала своё начало в каждом районе Акскерии, стекаясь к центральной площади. Люди, опустив головы, держа в одной руке деревянную фигурку гуся на па-

лочке, а в другой – красную розу, медленно двигались в едином потоке печали. Толпа людей превратилась в толпу деревянных гусей, застывших с открытым клювом, настигнутых несправедливой смертью.

В центре площади, на сцене, взятой в плотное кольцо обезумевшими от горя аскерийцами, стоял громадный гроб с телом сдохшего гуся. Птица лежала на ярко красной подложке из дорогого бархата, раскинув в разные стороны лапы. Рядом стояли трое. Тощая, высокая фигура остроносой Салли как чёрная ворона возвышалась над двумя по-воробыиному напыщенными, упитанными Чертингсом и Керси. Как только площадь наполнилась людьми до отказа, а большие аскерийские часы пробили полдень, к микрофону вышел заведующий канцелярией.

– Аскерийцы! – Чертингс поднял глаза от бумажки на людей. – Позвольте мне в столь печальный день зачитать вам обращение Мистера Гавера.

Толпа послушно молчала, люди жались друг к другу, опустив головы.

– Аскерия в трауре! Скорбь наполняет наши сердца. Сегодня мы хороним не просто гуся, мы отдаем дань памяти герою Аскерии, птице которая, благодаря нашим учёным, совершившим прорыв в науке, сделала небывалый шаг в развитии – заговорила. Нелепая смерть оборвала жизнь гуся. Но это не остановит нас на пути к новым Достижениям. С этого дня гусь – это символ прорыва, символ движения, символ

развития, рывка к новым Достижениям. Даже птицы начинают подтверждать всю гениальность и безальтернативность идеи движения человека к Достижениям. Гусь стал нашим аскерийским героем! – Чертингс приложил руку к сердцу.

Из динамиков зазвучал гимн Аскерии. Толпа дружно взвыла ему в унисон, повторяя известные с детства каждому аскерийцу слова.

– В целях увековечивания памяти погибшей птицы принято решение сделать Гуся символом Аскерии.

Деревянные гуси и красные розы взмыли вверх, площадь загудела.

– Я горжусь тем, что имела возможность общаться с говорящим гусем, – начала Салли, сбиваясь. – Он был таким милым, необычным. Его клюв! – Салли перевела дыхание. – Его клюв так чисто и красиво выговаривал очень важные для нас с вами слова «достижения», «рейтинг», «баланс», «слава Аскерии».

Салли заплакала, достала платок, приложила его к глазам. В толпе послышался женский плач.

– Я счастлива, что слышала, а самое главное, видела его говорящим. Я навсегда запомню эти лучшие минуты моей жизни.

Чертингс, аккуратно взяв под руку, отвёл от микрофона рыдающую Салли.

– Моё сердце дрогнуло, когда я услышал его первые слова! – бодро начал Керси, принимая панихидную эстафету. –

Красный клюв изрёк главное, и это были не привычные для нас слова «мама», «папа». «Достижение» – вот его первое слово!

Толпа оживилась, деревянные гуси снова взмыли в воздух.

– Наша наука не остановится на достигнутом. Благодаря Мистеру Гаверу научный проект будет продолжен. Аскерия увидит ещё не одного говорящего гуся.

Люди заплодировали, удерживая под мышками деревянных гусей и цветы. Траурный марш наполнил всю площадь. Аскерийцы один за другим поднимались на сцену, прощаясь с героем. Инвалид на коляске, подъехав к гробу, прищурился, сравнивая деревянного гуся с настоящим.

– Похож, – многозначительно подтвердил он.

Толпа прошла сквозь сцену и потекла к большому памятнику погибшей птице. Громадный золотой гусь, раскинув крылья и рази́нув клюв, взирал на аскерийцев. Большая буква «Д» красовалась на его груди, символизируя Достижения. Поток людей заструился между лап статуи гуся, усыпая их красными розами. Увлеченные процессом похорон, слившись в единую массу, аскерийцы не заметили чёрный клаер, зависший над золотым памятником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.